

Приложение к журналу «ПОСЕВ»

Ричард Пайпс



Сергей Семёнович Уваров



ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Приложение к журналу «Посев»

РИЧАРД ПАЙПС

**Сергей Семёнович УВАРОВ:
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ**

ПОСЕВ
Москва
2013

УДК 94(47+57)[18](092)
ББК 63.3(2)47-8
П 12

Авторизованный перевод с английского Андрея Захарова

Ричард Пайпс. Сергей Семёнович Уваров: жизнеописание. — М.: Содружество «Посев», 2013. — 84 с.

Новая работа Ричарда Пайпса представляет собой биографическое эссе, посвященное графу Сергею Семёновичу Уварову, одному из ведущих российских государственных деятелей первой половины XIX века. Личность этого человека на протяжении долгого времени неверно трактовалась историками, а его вклад в развитие русской культуры систематически недооценивался. В интерпретации американского историка Уваров предстает отнюдь не реакционером, но, скорее, либеральным консерваторм. Считая монархическую власть единственно возможной для России формой государственного правления, создатель триады «православие – самодержавие – народность» полагал, что удержать Россию одним только насилием невозможно, а просвещение и образование со временем избавят государство от необходимости применять репрессии. Уваров, как доказывает автор, опираясь на широкий круг источников, «был одним из самых эффективных министров Российской империи XIX столетия, человеком, который сделал для совершенствования культуры своей страны больше, чем кто-либо другой».

ISBN 978-5-9902820-5-6

© Содружество «Посев», 2013

*Сергей Семёнович Уваров: жизнеописание**

На нижеследующих страницах представлено сжатое описание жизни российского государственного деятеля и ученого, личность которого историками либо незаслуженно игнорировалась, либо толковалась превратно. И хотя этот человек умер более полутора столетий назад, ни на русском, ни на каком-либо другом языке не было создано его полной биографии. Причем такое положение дел сохраняется вопреки тому факту, что никто – и я попытаюсь обосновать это – не сделал для развития высшего образования, науки и учебного процесса в России больше, чем он. Имя Уварова связывают в основном с предложенной им знаменитой триадой «православие, самодержавие, народность», ставшей в свое время основополагающим принципом российской социально-политической жизни. О самом же этом человеке пренебрежительно отзываются как о «придворном льстеце и карьеристе, самодуре, лицемере, стяжателе», верном слуге деспотичного Николая I¹.

Отчасти эта критика имеет под собой основания, но Сергей Семёнович Уваров (1786–1855) был куда более богатой личностью. Занимая должность министра народного просвещения на протяжении половины царствования Николая I (1833–1849), он выступил инициатором создания двух университетов, провел коренную реформу высшей и средней школы, укомплектовал высшие учебные заведения России местными кадрами, которых прежде отчаянно не хватало. Все это было сделано вопреки препятствиям, чинимым самим царем и имперской верхушкой, которые не доверяли

* Я хотел бы выразить мою глубочайшую признательность Евгению Ефремову из России, который снабдил меня многочисленными источниками для этого эссе, которые в ином случае остались бы недоступными.

высшему образованию, полагая, что оно плодит инакомыслие. Среди его заслуг нельзя не упомянуть и о том, что Уваров на протяжении тридцати семи лет, с 1818-го по 1855 год, возглавлял Академию наук, главный научный центр России. Он вполне может претендовать на то, чтобы называться первым классическим ученым этой страны.

Его решительно нельзя считать реакционером; называть его так могут только люди, незнакомые с политической обстановкой России того времени. Настоящими реакционерами были некоторые его современники: например, адмирал Александр Шишков (1754—1841), на протяжении многих лет оставшийся президентом Академии наук и одержимый стремлением защитить русский язык от иностранных заимствований; граф Александр Бенкендорф (1783—1844), ближайший сподвижник царя, считавший образование пагубным делом; Михаил Магницкий (1778—1855), ревизор Казанского университета с правами попечителя, призывавший торжественно снести вверенное ему заведение из-за вольнодумства в обучении. Уваров же, в отличие от них, был либеральным консервативом. Подобно многим своим современникам, он всегда оставался консервативом в том смысле, что считал самодержавный строй единственно пригодным для столь обширного и многонационального государства, как Российская империя. Альтернативой самодержавию он считал распад страны. Он также видел в цензуре эффективное средство, ограждающее общественное сознание от подрывных идей. И одновременно он был либералом, поскольку не верил, что Россию можно удержать одним только насилием, и считал, что просвещение, подкрепленное образованием, постепенно избавит государство от необходимости применять репрессии.

Единственной научной работой, которая близка к тому, чтобы называться биографией Уварова, стала книга Цин-

тии Виттекер, вышедшая в 1984 году². Но, как видно из ее названия – «Истоки современного образования в России: Интеллектуальная биография графа Сергея Уварова», – автор акцентировала свое внимание на достижениях Уварова как министра просвещения, а не на его личности и жизни. Кроме того, поскольку эта книга увидела свет еще до крушения советского режима и упразднения цензуры, в ней не могли быть учтены многочисленные публикации об Уварове, появившиеся после 1991 года. Кстати, сегодня мы знаем, что сын Уварова Алексей предлагал видному историку Петру Бартеневу написать биографию отца, но по неизвестным причинам это намерение так и не было воплощено в жизнь³.

В советскую эпоху Уваров, осуждавшийся как «реакционер» и идеолог консервативного царствования Николая I, не вызывал интереса у специалистов. Но отношение к нему резко изменилось после распада Советского Союза. Отечественный консерватизм, прежде намеренно игнорируемый, стал предметом острого внимания историков. Положительным следствием такой перемены стали многочисленные статьи, посвященные Уварову. Именно появление литературы, во многом основанной на ранее закрытых архивных источниках, дало мне возможность написать эту биографию. Недавно Максим Шевченко, ведущий российский специалист по наследию Уварова, без всякого навешивания ярлыков, что в советские годы было бы немислимо, заявил, что «Уваров, несомненно, принадлежит к числу выдающихся русских государственных деятелей»⁴.

Но, несмотря на все эти сдвиги, подготовка жизнеописания Уварова оказалась непростым делом, и это объяснялось двумя основными причинами. Многие документы, касающиеся этой фигуры, до сих пор лежат на архивных полках и ждут публи-

кации. Другое, еще более весомое, обстоятельство состоит в том, что сам Уваров был крайне скрытным человеком, который предпочитал никогда не говорить о себе самом или о своих делах. Как мы убедимся в дальнейшем, почти ничего неизвестно о его женитьбе; а между тем, это событие стало определяющим для его жизни, поскольку именно жена – богатая наследница и дочь влиятельного вельможи – обеспечила ему безбедную жизнь и стремительное продвижение по карьерной лестнице. Его мысли и чувства скрыты; проработав с его наследием долгое время, я по-прежнему лишь приблизительно представляю, каким он был человеком. Одним из возможных объяснений его крайней замкнутости может послужить предположение о том, что Уваров не полностью разделял идеи своего государя, Николая I – человека, преданного самодержавному принципу до такой степени, что личность монарха и государство сливались для него воедино. Если дело обстояло так, то Уваров просто вынужден был держать свои мнения при себе. Я написал несколько биографий, но никогда не имел дела с персонажем, настолько скрытным и сложным для понимания. В силу сказанного при подготовке этой работы мне пришлось концентрироваться на его общественной, а не частной жизни.

Уваров не был ни гениальным ученым, ни выдающимся политическим деятелем. Как сочинитель, он достаточно тяжел для восприятия. Тем не менее, он гораздо больше других преуспел в продвижении образования и науки в своей стране, подняв их с крайне низкого уровня на момент его выхода на политическую сцену до весьма достойных высот в дальнейшем. Он, в частности, начал развивать в России востоковедение и построил первую обсерваторию, а число студентов в университетах при нем выросло вдвое. Это, вне всякого сомнения, заметные достижения. И они должны получить подобающее признание.

ГЛАВА 1

Ранние годы

Сергей Семёнович Уваров принадлежал к старинному, но не слишком знатному дворянскому роду. Его предки имели татарские корни. В XV веке мурза Минчак Косаевич, оставив Орду, принял православие. Его сын, Увар Семёнович, стал основателем семьи Уваровых⁵. Отец Уварова, Семён Федорович, был любимцем графа Григория Потёмкина, фаворита императрицы Екатерины II, который выделял его за талантливую игру на украинской бандуре. Уваров-старший удостоился звания флигель-адъютанта Екатерины и «под именем вице-полковника начальствовал лейб-гвардейским полком, коего сама называлась она полковником»⁶. Императрица стала крестной матерью его сына. Отец погиб в 1788 году на русско-шведской войне, когда Сергею едва исполнилось два года. Мать доверила ребенка своей сестре, княгине Куракиной, которая наняла ему в воспитатели французского аббата Мангенья, бежавшего в Россию от ужасов революции. По воспоминаниям самого Уварова, в то время это было обычным делом: ««В те времена не было ни одной знатной семьи, которая бы не имела у себя какого-нибудь французского аббата. Это было столь же обязательно как модное платье»⁷. Наставник учил молодого человека французскому языку, на котором в итоге Уваров говорил как истинный парижанин, предпочитая его родному русскому для большей выразительности речи. Он же привил будущему министру и ненависть к радикализму,

которую тот пронес через всю жизнь. Кроме того, среди педагогов Уварова были наставник-немец, а также учителя рисования и музыки⁸. «Journal du Dimanche» высказывался о его французских текстах следующим образом: «Они написаны русским человеком по-французски с такой чистотой стиля, с такой элегантностью форм, что самый придирчивый цензор едва ли найдет несколько ошибок»⁹. Уваров был очень привлекательным и одаренным молодым человеком, производившим прекрасное впечатление на окружающих.

В 1801 году в пятнадцатилетнем возрасте он получил место в Коллегии по иностранным делам в Петербурге, которая через два года отправила его на учебу в Гёттингенский университет. Что именно и под чьим руководством он там изучал, нам неизвестно, поскольку Уваров никогда не писал о своих студенческих годах. Но, как мы увидим далее, пребывание в Германии оказало на него значительное влияние, убедив в важности изучения классических наук и познакомив с понятием Nationalität, которое позже воплотилось в его знаменитой триаде «православие, самодержавие, народность».

В марте 1807 года он получил назначение в русское посольство в Вене, где прослужил до мая 1809 года. Именно здесь сформировалась его личность. Как ни странно, австрийская столица разочаровала молодого дипломата: ему показалось, что ее жители равнодушны к литературе и искусству¹⁰. Но зато здесь же он познакомился со многими выдающимися политиками и литераторами. Уваров служил под началом посла Андрея Разумовского, по заказу которого Бетховен написал свои замечательные квартеты из 59 Опуса – это произведение сейчас носит имя своего заказчика. (Разумовский также стал одним из двух людей, кому Бетховен посвятил свою Шестую Пасторальную симфонию). Возглавляемое Разумовским посольство стало средоточием

антинаполеоновских настроений, которые разделял и Уваров. Там он познакомился с некоторыми знаменитыми эмигрантами, среди которых были корсиканец Карл Поццо ди Борго и прусский реформатор Генрих Фридрих Карл фон унд цум Штейн. Его другом стал также живший в Вене в изгнании князь Шарль-Жозеф де Линь (1735–1814). Уваров часто посещал его салон, принимая участие в театральных постановках¹¹. Возможно, то были самые счастливые дни в его жизни.

Наиболее значимым из этих знакомств для него стала встреча с мадам де Сталь, появившейся в Вене в декабре 1807 года. Уваров встретился с нею сразу же после ее приезда. Он нашел ее «не такой непривлекательной», как, в силу некоторых причин, ожидал; писательница оказалась хорошей собеседницей, хотя и чрезмерно озабоченной тем, чтобы во всем выглядеть «оригинальной», и приводящей слушателей в замешательство своими парадоксальными суждениями¹². По мнению Уварова, красивыми были только одухотворенный взгляд и необычайной белизны руки мадам де Сталь, но все остальное в ее внешности показалось ему «вульгарным и почти безобразным»¹³. Она флиртвала с ним, но молодой русский остался равнодушен к знакам внимания с ее стороны. Оценив необыкновенную образованность Уварова, мадам де Сталь призывала его стать писателем и была разочарована, когда он не прислушался к ее совету, продолжая посвящать свое свободное время общественной деятельности. Сохранились ее письма к Уварову, в одном из которых она пишет: «Я не сужу вас; вы избалованный ребенок, но ребенок очень талантливый. Между вами и мной слишком велика разница в возрасте для того, чтобы ничто не мешало нашей дружбе, но мой интерес к вам постоянен. Итак, я не перестану вам повторять, что пора вам

стать мужчиной в силу вашего таланта и смело отдаться вашему естественному предназначению»¹⁴. Знаменитая француженка продолжала оказывать существенное влияние на Уварова и в последующие годы¹⁵.

Встреча с мадам де Сталь повлекла за собой, в свою очередь, еще одно важное для Уварова знакомство – с Фридрихом фон Шлегелем, братом ее спутника Августа фон Шлегеля. Когда Уваров был в Вене, Фридрих фон Шлегель опубликовал свою знаменитую книгу «Über die Sprache und Weisheit der Inder» («О языке и мудрости индусов»), в которой доказывал, что вся мудрость человечества пришла из Индии. Шлегель, которого Уваров недолюбливал, вскоре после выхода этой работы принял католицизм и потерял интерес к Востоку, но впечатление, порожденное этой книгой, сохранилось у Уварова на всю жизнь и даже проявлялось, как мы убедимся ниже, в его государственной деятельности.

В конце 1809 года министерство иностранных дел откомандировало молодого дипломата в Париж, но там он прослужил недолго. Находясь во Франции, Уваров узнал, что его семья переживает финансовые трудности, поскольку имение, заложенное его матерью, совсем разорилось, а это означало неминуемую финансовую катастрофу. Уваров вернулся в Россию, чтобы посмотреть, как можно исправить ситуацию. О состоянии его духа в те дни нам известно из писем, написанных его другом Александром Тургеневым: «7 мая 1810 года. Бедный Уваров беспрестанно в новых и неприятнейших хлопотах. Думал, что кончил дела свои, сколько можно хорошо, но вдруг видит в газетах, что казенная палата вызывает поставщиков на место его матери; по его расчетам, если это не получит какого-нибудь чрезвычайного оборота, они должны лишиться всего имения. Это его так огорчило, что он почти болен; тем более что принужден

еще отсрочить отъезда свой. Я не могу смотреть на него с спокойным духом». «2 июня 1810 года. Уваров здоров; но грустен от дел и от невозможности уехать из Петербурга, не кончив дел своих по откупам, которые расстроили и здоровье, и имение его»¹⁶.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Уваров настолько обаял Екатерину Разумовскую, 29-летнюю дочь министра просвещения Алексея Разумовского и племянницу русского посла в Вене, что девушка задумалась о замужестве. Говорили, что она выделила его среди прочих как «резко отличавшегося умом, познаниями и строгим взглядом на жизнь от окружавшей его золотой петербургской молодежи»¹⁷. Разумовские вели свой род от простого казачьего пастуха Алексея Разумовского, который оказался при петербургском дворе из-за своего необычайного певческого голоса, где сначала привлек к себе внимание императрицы Елизаветы и стал ее любовником, а затем и мужем в морганатическом браке. За прошедшие с той поры годы Разумовские нажили несметные богатства, и Екатерина была завидной невестой. Ее приданное включало сто тысяч рублей наличными, бриллианты примерно на такую же сумму и шесть тысяч душ крепостных¹⁸. Детство ее было тяжелым из-за отца, подверженного депрессиям и выгнавшего из дома собственную жену. Остается неизвестным, любил ли ее Уваров. Один из его друзей в частной переписке говорил: «Я не верю, что Сергей женится по любви или хотя бы увлечен ею, потому что никто и никогда ничего не слышал об этой девушке. Я уверен, что он жертвует собой, чтобы спасти мать и брата. К тому же говорят, что девушка очень в него влюблена»¹⁹. Судя по ее портрету, она не была красавицей²⁰. Свадьба состоялась 23 сентября 1810 года. После смерти своего отца в 1822 году Екатерина

унаследовала огромное состояние, которое позволило молодой паре жить в роскоши.

Но женитьба принесла Уварову не только богатство. Он также обзавелся поддержкой, которая помогла ему с головокружительной скоростью сделать карьеру на государственной службе. 31 декабря 1810 года он необычайно рано, будучи 24-летним, получил должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, одного из шести в империи, а сопровождавшее ее звание действительного статского советника соответствовало четвертому классу Табели о рангах. Учитывая, сколь значительные выгоды обеспечил Уварову этот брак, поразительно, что супруга не упоминается им ни в частной переписке, ни в отчетах о посещении друзей. Дело выглядит так, будто бы она все свое время проводила затворницей, не принимая никакого участия в жизни мужа. Хотя Уваровы прожили вместе сорок лет, образ его жены предстает перед нами лишь бледной тенью. У них было четверо детей: Елизавета, рожденная в 1811 году и умершая в младенчестве, чьей крестной матерью была императрица; Александра (1814–1865), жена князя Павла Урусова; Наталья (1820–1843), жена Ивана Балабина, безвременно скончавшаяся в возрасте 23 лет; Алексей (1824–1864), ставший известным археологом.

В год женитьбы Уваров анонимно, тиражом в сто экземпляров, издал в Петербурге свою первую работу – «*Projet d'une Académie Asiatique*» («Проект Азиатской академии») ²¹. Основная идея этого труда, на который явно повлиял Фридрих фон Шлегель, состояла в том, что Восток, и в особенности Индия, был «колыбелью» всех прочих цивилизаций. Россия, в частности, «основывалась» на Азии. Проектируемой Академии предстояло стать посредницей во взаимодействии цивилизаций Востока и Запада, предлагая обучение на китайском, маньчжурском, арабском, персидском, турец-

ком, татарском и древнееврейском языках. Этот план, так и не воплощенный в жизнь, предвосхитил разработки так называемых «евразийцев», которые через сто лет будут говорить о том, что русская цивилизация представляет собой амальгаму Востока и Запада. Слух о труде Уварова дошел до Наполеона, который затребовал отзыв о нем. Говорят, что заказанный императором отчет был позитивным и рекомендовал основать подобное научное учреждение в Париже²². Жозеф де Местр, которому Уваров послал экземпляр своей публикации, предложил небольшие поправки, но в целом отозвался о ней положительно²³. Гёте, также получивший брошюру, передал ее своему другу, ориенталисту Фридриху Майеру. Девять месяцев спустя Уваров получил от него отзыв, полный комплиментов²⁴.

Уваров, плод Просвещения, считал, что с Великой Французской революции человечество пребывает в духовном и идейном смятении. По его мнению, человеческая цивилизация достигла апогея в классическую эпоху; именно поэтому он сам с ранних пор изучал классические языки, а позже ввел их изучение в российских гимназиях. Он пригласил на службу немецкого ученого-классициста Фридриха Грефе, который на протяжении пятнадцати лет занимался с ним греческим языком²⁵.

Свою оценку эпохи Уваров излагает в письме барону Штейну, написанном в ноябре 1813 года: «Я спокоен до того, что изумляю всех окружающих, но в душе у меня отчаяние. Состояние умов теперь таково, что путаница мыслей не имеет пределов. Одни хотят *просвещения безопасного, то есть огня, который бы не жег*; другие (а их всего больше) кидают в одну кучу *Наполеона и Монтескье*, французские армии и французские книги, [генерала] *Моро* и [барона] *Розенкамфа*, бредни Ш. и открытия Лейбница. Словом, это такой хаос криков, страстей, партий,

ожесточенных одна против другой, всяких преувеличений, что долго присутствовать при этом зрелище невыносимо. Кидают друг другу в лицо выражениями: *религия в опасности, потрясение нравственности, поборник иностранных идей, иллюминат, философ, франкмасон, фанатик* и т.п. Словом, полное безумие. Каждую минуту рискуешь компрометироваться или сделаться исполнительным орудием самых преувеличенных страстей. ... Жду лишь благоприятного обстоятельства, чтобы вырваться из этого хаоса, который душит и давит меня невыразимым образом»²⁶. Эти мрачные чувства, никогда не оставлявшие его, проявлялись во всей общественной деятельности Уварова, и в особенности в его работе на ниве образования, с помощью которой он старался предотвратить катастрофу. В своей автобиографии он писал об этом так: «Я всегда старался исходить из того убеждения, что политическому развитию должно предшествовать моральное и интеллектуальное развитие, а гражданское освобождение не может осуществляться иначе, как через интеллектуальное освобождение...»²⁷

В Западной Европе историческим персонажем, наиболее схожим с Уваровым, был французский историк и министр Франсуа Гизо. Будучи почти одногодками, оба деятеля одинаково сокрушались по поводу нигилизма современной молодежи. В начале 1830-х годов оба служили своим монархам в качестве министров просвещения, обоюдно считая просветительскую деятельность единственным средством, позволяющим преодолеть социальный упадок. Уваров нередко подкреплял собственные суждения ссылками на Гизо²⁸. Оба политика не пользовались популярностью при жизни и с пренебрежением воспринимались историками после смерти²⁹.

Свойственное Уварову пессимистическое восприятие нравов эпохи не помешало ему стать участником и даже

одним из основателей сообщества молодых литераторов «Арзамас».* Заявленной целью его создания, состоявшегося в 1815 году, стала защита лингвистических нововведений, которые появились в русском языке благодаря Николаю Карамзину, от националистических нападок адмирала Александра Шишкова. По мнению Шишкова, вместе с чужеродными западными словами, привнесенными в русский язык Карамзиным, приходят и чуждые идеи. Годы спустя Уваров писал: «Арзамас не имел собственно никакой определенной формы. Это было общество молодых людей, связанных между собой одним живым чувством любви к родному языку, литературе, истории, и собиравшихся вокруг Карамзина. ... Направление этого общества, или, лучше сказать, этих приятельских бесед, было преимущественно критическое. Лица, составлявшие его, занимались: строгим разбором литературных произведений, применением к языку и словесности отечественной всех источников древней и иностранных литератур, изысканием начал, служащих основанием твердой, самостоятельной теории языка»³⁰. Хотя формально «Арзамас» не касался политики, настроения, господствовавшие в кружке, были либеральнее и прогрессивнее тех, что отстаивались Шишковым и его последователями. Судя по сохранившимся документам «Арзамаса», многие его собрания, нередко проходившие в доме Уварова, были посвящены произнесению забавных и комических речей, не имевших ничего общего с лингвистическими теориями. Уваров, получивший среди своих товарищей прозвище «Старушка», посетил большую часть собраний, а 14 октября 1815 года он был избран

* Как утверждает историк «Арзамаса», Уваров был «инициатором первого, организационного собрания» этой группы. См.: Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 70.

первым президентом «Арзамаса». В объединении состояли юный Пушкин и некоторые будущие участники восстания декабристов; этот факт впоследствии обернулся недоверием властей к кружку. Не исключено, что именно членство в этом литературном объединении послужило причиной того, что Уваров получил ответственный правительственный пост лишь через несколько лет после восшествия Николая I на престол. «Арзамас» был распущен в 1818 году.

Уваров неизменно производил очень хорошее впечатление на тех, кому доводилось с ним встречаться. Выдающийся политический деятель Михаил Сперанский, занимая в то время пост генерал-губернатора Сибири, 3 сентября 1817 года писал своему другу о визите Уварова: «Прекраснейший человек и по уму, и по сердцу. ... Ум первого класса!» А 29 января 1818 года в другом послании тому же корреспонденту он добавлял: «Благородный, умный и первый ученый человек в России из русских»³¹.

В связи с повсеместно признанными научными заслугами Уваров в 1818 году, в возрасте всего 32-х лет, удостоился должности президента Императорской Академии наук, почетным членом которой он стал еще в 1810 году. Он занимал этот пост до самой своей кончины. Академия была основана в 1724 году по указу Петра I и в первое столетие своего существования выглядела довольно убого: правительство не проявляло интереса к ее работе, что отражалось в хроническом недофинансировании. В 1818 году только пять из девятнадцати активных академиков были русскими, все прочие были немцами или иными иностранцами³². Престиж Академии был крайне низок. После того, как в 1810 году Николай Новосильцев покинул пост ее президента, это место оставалось вакантным на протяжении последующих восьми лет. Вступив в должность, Уваров подготовил для Министерства народного просвеще-

ния и духовных дел краткий отчет о положении Академии³³. «Неуважение к общему мнению, частные ненависти и приязни, личности всякого рода произвели издавна совершенный недостаток единодушия и прекратили всю деятельность Академии», – писал он. Уваров был возмущен тем, насколько нерационально расходуются выделяемые ей средства. Академическая библиотека, как и уникальная коллекция медалей, пребывали в жалком состоянии, а главный конференц-зал Академии долгое время стоял без пола³⁴. В царствование Александра I Уваров не мог сделать для академического сообщества слишком многого, поскольку двор не проявлял к науке ни малейшего интереса. И все же его назначение на пост президента сказалось на Академии положительно. Как утверждает историк российской науки, Уваров стал первым с начала XVIII века президентом Академии, которого можно было назвать «ученым, искренно преданным ее развитию, сознававшим и понимавшим ее значение»³⁵. Результаты его трудов полностью проявились только в следующее царствование. С точки зрения специалиста, «президентство Уварова действительно составило эпоху в истории Академии»³⁶.

Одним из самых значительных свершений, осуществленных Уваровым во время пребывания на посту главы Академии, стало основание в пригороде Петербурга Пулковской астрономической обсерватории. Она начала работать в августе 1839 года под руководством профессора Дерптского университета и основателя целой династии астрономов Фридриха фон Струве. Ее телескоп считался тогда самым большим в Европе. После выхода первого директора в отставку и его кончины в 1864 году обсерваторию возглавил его сын Отто Вильгельм. Обсерватория была разрушена во время Второй мировой войны и восстановлена в 1954 году.

22 марта 1818 года, вскоре после вступления в должность главы Академии, Уваров выступил в Главном педагогическом институте с важной речью³⁷. Вначале он коснулся любимой темы – выдающегося значения восточных цивилизаций для развития человечества. Далее он сделал акцент на том, насколько важно было постепенное признание прав и обязанностей человека. А потом, первый и единственный раз в своей жизни, он восславил политическую свободу: «Политическая свобода не есть состояние мечтательного благополучия, до которого бы можно было достигнуть без трудов. Политическая свобода, по словам знаменитого оратора нашего века (лорда Эрскина), есть *последний и прекрасный дар Бога*; но сей дар приобретается медленно, сохраняется неусыпною твердостью; он сопряжен с большими жертвами, с большими утратами»³⁸.

От наблюдательных современников не укрылось то обстоятельство, что хвала политической свободе прозвучала всего лишь через неделю после того, как царь Александр I в своей речи на открытии польского Сейма в Варшаве, говоря о даровании Польше конституции, упомянул о возможности распространения конституционного режима и на Россию: «Образование, существовавшее в вашем крае, дозволило мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние надеюсь я, при помощи Божией, распространить и на все страны, провидением попечению моему вверенные. Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних пор ему приготавливаю, и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости»³⁹. Возможно, то были просто слова, произнесенные в подходящем месте и в подходящее время; но не исключено, что за

ними стояли искренние убеждения оратора, которыми трудно было открыто делиться в царской России. По крайней мере, я склоняюсь к последней интерпретации.

В 1812 году Уваров опубликовал в Петербурге основную научную работу – «Исследование об Элевсинских таинствах»⁴⁰. Основной задачей этого трактата, посвященного изучению древних мистерий в честь богини плодородия Деметры, было стремление доказать, что «древние мистерии не только были душой политеизма», но и «вышли из единого и подлинного источника всех знаний, распространенных на земле»⁴¹. Работа, основанная на многочисленных греческих и латинских источниках, обеспечила Уварову членство во Французской академии: он стал первым и единственным русским, удостоившимся такой чести. К настоящему моменту о заинтересовавшем его предмете написано достаточно много, но двести лет назад, когда Уваров готовил свой труд, он был, фактически, первопроходцем.

Вернемся теперь к деятельности Уварова на посту попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, который он занимал с 1810 по 1821 год. Здесь он проявил себя необычайно деятельным человеком в деле совершенствования образовательной системы на всех ее уровнях – начальном, среднем и высшем⁴². Главной составляющей проведенной им реформы средней школы стало включение в программу гимназий элементов классического образования – в частности, изучения латинского и греческого. Первоначально опробованное в Петербургском учебном округе, с 1817 года это новшество было распространено на всю империю⁴³. В российских гимназиях изучение древних языков оставалось приоритетным до 1917 года.

Не менее важными были перемены, привнесенные Уваровым в жизнь университетов. В 1819 году, преодолев

сопротивление консервативного министра просвещения князя Александра Голицына, Уваров добился от царя разрешения на преобразование Петербургского педагогического института в полноценный университет, ставший пятым в империи. По-прежнему увлекаясь востоковедением, он пригласил в новое учебное заведение двух видных французских специалистов в этой области. В 1837 году по инициативе Уварова курс ориенталистики начали читать в Казанском университете, где открылась первая в России кафедра китайского языка.

Вскоре, однако, начались проблемы. Их причиной послужил конфликт Уварова с Голицыным и Магницким, членом Главного управления училищ. Последний в 1819 году был направлен для проведения ревизии самого слабого, как считалось, из российских университетов – Казанского. В своем отчете Магницкий обвинил университет в растрате казенных средств и распространении «безбожных» знаний, рекомендовав закрыть это учебное заведение и снести само его здание. Власти этими рекомендациями не воспользовались, но Магницкого назначили попечителем Казанского университета, при котором тот превратился в подобие монастыря⁴⁴. Магницкий также вмешивался в работу нового Санкт-Петербургского университета, добившись увольнения нескольких его преподавателей.

Уваров счел подобное вмешательство реакционеров в свою работу недопустимым и 19 июня 1821 года подал в отставку с поста попечителя Петербургского учебного округа. Год спустя, 28 июля 1822 года, его назначили директором департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, куда это структурное подразделение было недавно передано из Министерства внутренних дел. Он ушел с этой должности, получив чин действительного тайного советни-

ка – второй по старшинству в России, – 13 июня 1824 года. В 1824–1826 годах Уваров управлял Государственным земельным и коммерческим банком⁴⁵. Мы не знаем точно, чем именно он занимался на всех этих постах: в оставленных им документах о них ни слова не говорится. Скорее всего, это были просто синекюры, поскольку Уваров не имел ни знаний, ни опыта для занятий коммерцией, мануфактурами или банками.

С восшествием на престол Николая I положение Уварова отнюдь не улучшилось. Он был невысокого мнения о новом царе, видя его беду в том, что «он не понимал своей страны, не знал ни ее нужд, ни ее предрассудков, ни ее страстей»⁴⁶. Членство Уварова в объединении «Арзамас» и речь во славу свободы, произнесенная в 1818 году, скорее всего, возбуждали при дворе подозрения. Он не получил никакой значительной должности и провел первые годы нового царствования, путешествуя и продолжая писать. Как он вспоминал тридцать лет спустя, «... я мало-помалу отдалился от двора и, находясь вне Петербурга, посвятил пять или шесть первых лет николаевского царствования изучению нашей столь мало познанной страны... По собственной склонности я проводил большую часть года то в уединении в Поречье..., то в полезных путешествиях вглубь России... Пять или шесть лет, которые я провел таким образом, снабдили меня, смею сказать, точными и глубокими сведениями о моей стране, которые иначе я никогда бы не смог приобрести. Именно это изучение неожиданно вернуло меня к личным и прямым отношениям с императором Николаем»⁴⁷. В мае 1826 года Уваров был назначен в комитет по реформированию школ, но не играл там видной роли⁴⁸. В том же году он был назначен сенатором.

Обобщив и осмыслив все увиденное в путешествиях, Уваров, начиная с декабря 1828 года, посылает несколько писем ближайшему советнику императора и руководителю тайной

полицейскому графу Бенкендорфу, который выступил инициатором такой переписки. В этих посланиях он критикует беспорядок, царящий в органах государственной власти, и говорит о необходимости преобразований. Он также указывает на кризисное положение, в котором пребывает Россия, и рассуждает о негативном восприятии режима общественностью. Также в них критикуются деспотизм и произвол⁴⁹. Осенью 1832 года Уваров руководил инспектированием Московского университета; результаты этой работы впечатлили царя и во многом преопределили состоявшееся вскоре назначение Уварова на пост министра просвещения⁵⁰. Между тем, число студентов в российских университетах продолжало убывать: с 1831-го по 1833 год оно сократилось с 2221 до 1833⁵¹.

В тот же период Уваров писал трехтомную работу «Études sur la Russie en XIX siècle» – «Этюды о России в XIX столетии», – которая, оставшись незаконченной, не опубликована до сих пор. Она задумывалась для того, чтобы защитить Россию от нападков со стороны французских критиков, и планировалась к изданию во Франции под ложным французским псевдонимом⁵². Все, что на сегодня нам известно об этой работе, было представлено Михаилом Велижевым в журнале «Новое литературное обозрение»⁵³. По словам Велижева, в третьем томе манускрипта, в главе «О цивилизации в России», Уваров утверждает, что историческая эволюция России пошла путем, противоположным тому, каким шла Европа. В развитии европейских стран ключевую роль сыграло третье сословие, которого в России не было. В российском социуме главенствующее положение занимала аристократия, которая, побуждаемая верховной властью, «бросилась навстречу просвещению как единственному способу стать на один уровень с Европой». Просвещение же, по мнению Уварова, должно было распространяться и на низшие сословия.

ГЛАВА 2

«Триада»

Если Уваров и упоминается в исторических трудах, то в основном как автор триады «православие, самодержавие, народность», которая была девизом русского консервативного движения в последнее столетие царской власти. Долгое время считалось, что впервые ее формулировка была предложена в докладе, сделанном Уваровым в декабре 1834 года, но, согласно новейшим исследованиям, это произошло на полтора года раньше – в письме царю, написанном в марте 1832 года⁵⁴. Фактически, первый намек на нее был сделан еще в 1814 году в эссе «Император Всероссийский и Бонапарте», где Уваров попытался объяснить поражение Наполеона в Испании тем, что тот проигнорировал принципы «веры, любви к отечеству и народной чести»⁵⁵. Другим ее предвосхищением стала известная речь, произнесенная в 1818 году в Главном педагогическом институте. В ней Уваров выражал надежду, что его современники отыщут в истории «новые побуждения более любить свое отечество, свою веру, своего государя»⁵⁶. Исследователи также обращали внимание на то обстоятельство, что в триаде перефразируется традиционный воинский девиз «За веру, царя и отечество»⁵⁷.

Искания Уварова показали очень своевременными придворным кругам, обеспокоенным разразившейся в Париже в июле 1830 года революцией и последовавшими за

ней революциями в Бельгии, Италии, Германии и Польше. Все эти события отметили завершение эпохи стабильности, утвердившейся после поражения Наполеона. Казалось, Европа стоит на пороге непрекращающихся гражданских потрясений. Сам Уваров полагал, что мир вступает в полувековую смуту, от которой очень важно оградить Россию⁵⁸. Подобные страхи, разумеется, в итоге оказались сильно преувеличенными, но в то время они виделись вполне обоснованными и во многом определяли политику царского режима. Что касается лично Уварова, то он под давлением этих опасений лишился того исторического оптимизма, который в свое время почерпнул у Гегеля и современных ему немецких философов.

Адмирал Шишков был освобожден от должности министра просвещения в апреле 1828 года, и на смену ему пришел князь Карл Ливен, занимавший этот пост четыре года – до своей кончины в 1832 году. Предложенные Уваровым наметки консервативной программы в образовательной сфере, основанной на его триаде, вне всякого сомнения, повлияли на решение Бенкендорфа рекомендовать Уварова на освободившееся место⁵⁹.

О том, как он узнал о своем новом назначении, Уваров рассказал в краткой автобиографии: «Часть зимы [1832 года] я провел в Петербурге, тепло принимаемый двором и светом. ... В министерстве государственных имуществ давали бал, и я как раз занимался своим туалетом, когда ко мне прибыл чиновник, который был хорошо знаком и со мной, и с графом Бенкендорфом. Сообщение, доставленное им от графа, позволило мне не выказать удивления или замешательства в ходе сцены, позже разыгравшейся между мной и графом на балу. Еще не умея в полной мере оценить смысл того, что мне предстояло, я все же смог отнестись к случив-

шесю с присущей мне сдержанностью. Прибыв на бал, я, как обычно, сел играть в вист, ожидая обещанной встречи, но не проявляя особого волнения. Когда игра закончилась, я вошел в бальную залу; император, который в тот момент обходил гостей, подошел ко мне, сказав несколько ласковых слов, относящихся, однако, только к самому торжеству. Раунд завершился, а я остался на своем месте, ожидая, не без тайного волнения, таинственную сцену, мне предсказанную. Некоторое время спустя я увидел, как император, минуя графа Бенкендорфа, шепнул ему несколько слов. После этого граф, пройдя сквозь залу, подошел прямо ко мне и произнес тихо в своей бесстрастной манере: «От имени государя императора я прошу у Вас однозначного ответа на вопрос: желаете ли Вы принять Министерство народного просвещения?» А затем он добавил еще тише: «Не будьте таким изумленным, отвечайте мне, ... хотя бы потому, что он смотрит на нас». Находясь под впечатлением от такого предложения, сделанного столь неожиданно, в разгар бала, я мог произнести лишь одно слово – «да». Бенкендорф, обрадованный моей краткостью, вновь обрел свою невозмутимую манеру держаться, пересек залу в обратном направлении, чтобы тихо сказать императору несколько слов»⁶⁰. Вскоре после этого Уваров был назначен заместителем министра при графе Ливене, а год спустя, в марте 1833 года, стал министром. Об этом назначении он мечтал долгие годы. Коллега, служивший с ним на дипломатической службе в Вене в 1808 году, вспоминал, что, когда он спросил Уварова, в чем тот видит свое счастье, собеседник ответил: «Хочу стать министром просвещения»⁶¹.

Наиболее развернутое толкование триады можно найти в записке, представленной Уваровым императору Николаю по итогам десятилетней службы в качестве

министра просвещения в 1843 году: «Углубляясь в рассмотрение задачи, которую предлежало решить без отлагательства, задачи, тесно связанной с самою судьбою отечества, ... разум невольно почти предавался унынию и колебался в своих заключениях при виде общественной бури, в то время потрясавшей Европу, и которой отголосок, слабее или сильнее, достигал и до нас, угрожая опасностью. Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, ввиду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить. Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего *православия*, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова. *Самодержавие* составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия. Эту истину чувствует неисчислимое большинство подданных Вашего Величества: они чувствуют ее в полной мере, хотя и поставлены на разных степенях гражданской жизни и различествуют в про-

свещении и в отношениях к правительству. Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать народное воспитание и с ним развиваться. Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: *народность*. Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущий; но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице истории Русского Царства. Относительно к народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует *неподвижности* в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид свой по мере возраста: черты изменяются с летами, но физиономия изменяться не должна. Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей; довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию. Вот те главные начала, которые надлежало включить в систему общественного образования, чтобы она соединяла выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и было не чуждо европейского духа»⁶². Позднее этот текст неоднократно анализировался и интерпретировался.

Как уже отмечалось, во многих текстах, где речь шла о религиозной вере, Уваров предпочитал использовать понятие «народная религия» вместо термина «православие», что трактовалось как нехватка личной религиозности с его

стороны⁶³. С «самодержавием» подобных проблем не возникло: убеждение в том, что для выживания России необходимо самодержавное правление, было в то время аксиомой. Так, Екатерина II в своем Наказе комиссии по подготовке проекта нового Уложения, продолжая мысль Монтескье, категорично заявляла: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть не может действовать сходно с пространством столь великого государства. Пространственное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит. Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление, отдаленностью мест причиняемое»⁶⁴. Она могла бы добавить, что Россия, в отличие от западноевропейских империй, чьи колониальные владения были отделены от метрополий океанами, была территориально монолитной. Любое ослабление центральной власти с большой вероятностью могло повлечь за собой незамедлительный распад империи, как это случилось в марте 1917 года после отречения Николая II, а затем еще раз в 1991 году. Уваров хорошо осознавал такую опасность. В 1843 году он писал, что если власть царя ограничить, а все сословия наделить равными правами, предоставив России представительное правление на европейский манер, то от государства ничего не останется за две недели, а возможно, и еще быстрее⁶⁵.

По мнению Уварова, самодержавие было неразрывно связано с крепостным правом. Его друг и почитатель историк Михаил Погодин, многократно обсуждавший с ним этот вопрос, кратко изложил суть их бесед. Вот некоторые ключевые моменты: «1) Вопрос о крепостном праве тесно связан с вопросом о самодержавии и даже единодержавии. 2) Это две параллельные силы, кои развивались вместе: у

того и другого одно историческое начало; законность их одинакова. ... 4) Крепостное право существует, каково бы ни было, и нарушение его повлечет за собой неудовольствие дворянского сословия, которое будет искать себе вознаграждение где-нибудь, а искать негде, кроме области самодержавия»⁶⁶. Другими словами, лишившись крестьян, дворянство неминуемо попытается ограничить полномочия монарха.

Наименее ясным в триаде можно считать ее третий компонент, «народность». Уваров нигде не дал внятного и развернутого определения этого термина. В современной исторической литературе за основу взято определение, предложенное либеральным литературоведом Александром Пыпиным в работе «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов», впервые опубликованной в 1873 году. Суть народности, по его мнению, в том, что народ и государство в России уникальны и не похожи на прочие государства и народы Европы и что народность в трактовке Уварова есть лишь эвфемизм крепостничества⁶⁷. Впрочем, подобная трактовка впоследствии была подвергнута жесткой критике. Более убедительным выглядит толкование, согласно которому под «народностью» подразумеваются «национально-самобытные черты и особенности русской исторической жизни, литературного творчества и философской мысли» – иными словами, сама русская культура⁶⁸. Один российский историк философии обратил внимание на сходство концепта «народность» у Уварова и понятия «Nationalität» или «Volksthümlichkeit», используемого немецкими романтиками для обозначения культурных уз, объединяющих народ⁶⁹.

ГЛАВА 3

Министр просвещения

Занимая пост министра просвещения на протяжении пятнадцати лет, Уваров имел возможность определяющим образом влиять на развитие русской культуры. Под его контролем находилось не только начальное, среднее и высшее образование, но и цензура. Совмещая государственную службу с руководством Академией наук, он мог – и в какой-то мере даже преуспел в этом, – предпринимать меры для сдерживания радикализма, сотрясавшего тогда государство Западной Европы. Уваров проводил свою линию вопреки сопротивлению правящих кругов, рассматривавших образование в качестве прямой угрозы существующему порядку. Их точку зрения красноречиво выразил приближенный к царю граф Бенкендорф. Вот как он описывает разговор с Николаем I, состоявшийся в их совместной поездке вскоре после Июльской революции во Франции: «Сидя вдвоем в этой ломкой повозке, мы, разумеется, говорили только о парижских происшествиях и о последствиях, которые они могли иметь для остальной Европы. Помню, как рассуждая о причинах этой революции, я сказал, что с самой смерти Людовика XIV французская нация, более испорченная, чем образованная, опередила своих королей в намерениях и потребности улучшений и перемен; что не слабые Бурбоны шли во главе народа, а что сам он влачил их за собою, и

что Россию наиболее ограждает от бедствий революции то обстоятельство, что у нас со времен Петра Великого всегда впереди нации стояли ее монархи; но что по этому самому *не должно слишком торопиться с ее просвещением, чтобы народ не стал по кругу своих понятий в уровень с монархами и не посягнул тогда на ослабление власти*⁷⁰. Подобных воззрений придерживалась большая часть имперской верхушки, не согласная с убеждением Уварова в том, что образование и следующее за ним просвещение станут лучшей преградой, защищающей государство от политических и социальных потрясений.

Следовательно, главная проблема, с которой столкнулся Уваров после назначения министром просвещения, заключалась в том, что царь Николай I, подобно графу Бенкендорфу, с великим недоверием относился к образованию, полагая, что оно должно строго соответствовать социальному статусу человека. Ни один русский, по мнению царя, не должен был получать образование в большей мере, нежели того требовало его общественное положение. В императорском рескрипте адмиралу Шишкову от 1827 года говорилось: «... Необходимо, чтобы повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности соображаемы с будущим вероятным предназначением обучающихся, чтобы каждый ... не был ниже своего состояния, также не стремился чрез меру возвыситься над тем, в коем, по обыкновенному течению дел, ему суждено оставаться»⁷¹.

Более того, монарх противопоставлял нравственность образованию, отдавая первому приоритет перед вторым. В 1855 году, когда Уваров уже не курировал образовательную политику, император, принимая депутацию от Московского университета по случаю его столетнего юбилея, высказывался об этом так: «Я скажу вам теперь, как разумею

я в наше время дело воспитания. Учение и ученость я уважаю и ставлю высоко; но еще выше я ставлю нравственность. Без нее учение не только бесполезно, но даже может быть вредно, а основа нравственности – святая вера. Вместе с учением надобно воспитывать религиозное чувство. Вот мой взгляд на просвещение. Министерство меня поняло. Вот то, чего я ожидаю от вас. Вера пала у многих народов; она жива у нас, как была всегда. Надобно сохранять то в России, что искони было. Во многих землях люди пришли к разномыслию, никто не понимает друг друга, сами не ведают, что хотят. У нас не то. Моя воля вам известна: уверен, что вы ее выполните»⁷².

Не удивительно, что Уваров опасался государя, предпочитая держать свои идеи при себе. Либеральный мыслитель Борис Чичерин вспоминал: «Государя он боялся как огня; один из его приближенных рассказывал мне, что его трясла лихорадка всякий раз, когда приходилось являться к царю с докладом. Но тем более делает ему чести, что он всячески старался отстоять русское просвещение от суровых требований монарха. Он сам говорил Грановскому, что, управляя министерством, он находился в положении человека, который, убегая от дикого зверя, бросает ему одну за другой все части своей одежды, чтобы чем-нибудь его занять, и рад, что сам по крайней мере остался цел»⁷³.

Здесь уместно заметить, что, по сравнению с Западной Европой, университетская жизнь в России была весьма примитивной. Когда Уваров получил пост министра, в стране имелось только пять университетов. Самым древним и крупным из них был основанный в 1578 году польский университет в Вильно, который закрыли в 1832 году после польского восстания. Затем наиболее старым оставался университет в Дерпте (сегодня это эстонский город Тарту), основанный

шведами в 1632 году, но и он достаточно продолжительное время, с 1656-го по 1802 год, не функционировал. То было немецкое учебное заведение, в котором учились в основном немцы, а преподавание велось на немецком языке. В самой России имелось четыре университета: Московский, учрежденный в середине XVIII века, Харьковский и Казанский, основанные в 1803–1804 годах, Санкт-Петербургский, открывшийся в 1819 году.

Численность студентов в этих заведениях была мизерной. В 1765 году в Московском университете состояло всего 18 обучающихся⁷⁴. К 1831–1832 годам их число выросло до 734 человек – максимального показателя для российского университета той поры⁷⁵. В Казанском университете в первое десятилетие после его основания обучалось лишь 40–50 студентов⁷⁶. В 1823 году, через четыре года после открытия Санкт-Петербургского университета, здесь числилось только 48 студентов, и лишь к концу десятилетия их стало 140⁷⁷. В совокупности к тому моменту, когда Уваров стал министром, университетское студенчество России насчитывало 1834 человека, что равнялось количеству студентов в одном только Берлинском университете⁷⁸.

Столь низкие показатели объяснялись несколькими причинами. Во-первых, правительство не без оснований относилось к университетам с подозрением, видя в них рассадники инакомыслия. Действительно, 63 процента радикалов, арестованных в середине XIX столетия, имели университетское образование⁷⁹. Власть терпела университеты лишь потому, что нуждалась в образованных чиновниках; просвещенные граждане ей были не нужны. Во-вторых, дворяне, чьи дети должны были бы составлять основную массу студентов, не спешили отдавать своих отпрысков в университеты, предпочитая записывать их на военную службу,

где уже с пятнадцати лет те могли начинать продвижение согласно Табели о рангах⁸⁰. Наконец, в-третьих, существовала языковая проблема: большинство профессоров в российских университетах составляли иностранцы, не знавшие русского языка. Они вели занятия на латыни, французском или немецком, которые понимала лишь меньшая часть студентов⁸¹.

Все перечисленные препятствия ограничивали возможности Уварова по наращиванию численности студентов и повышению качества преподавания в университетах. Впрочем, за время пребывания в должности министра он сумел более чем удвоить число студентов, доведя этот показатель с 1834 до 4006 человек⁸². Начиная с 1827 года, детям крестьян запретили поступать в университеты, ссылаясь на нежелание дворян учить своих отпрысков вместе с крестьянскими детьми. Кроме того, данный запрет обосновывался тем, что крепостные, получившие университетское образование, «приучаются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию»⁸³. Одновременно были предприняты не слишком успешные попытки нарастить дворянскую прослойку в рядах студенчества. Согласно имеющимся подсчетам, в бытность Уварова министром около 70 процентов университетских студентов составляли дети дворян, чиновников или духовенства, а четверть относилась к разночинцам или мещанам⁸⁴. Количественное распределение, однако, показывает, что среди студентов-дворян преобладало потомство мелких чиновников, не имевших ни поместий, ни крепостных, и не являвшихся из-за этого знатью в полном смысле слова⁸⁵. В большинстве своем такие «дворяне» получали деньги на обучение от государства. Уваров более преуспел в расширении русской профессуры в университетах. При Александре I оформилось обычно-

вание отправлять русских студентов за границу для того, чтобы, возвратившись, они становились университетскими преподавателями. Но теперь от этой практики отказались, поскольку в самой России появилось достаточно квалифицированных специалистов, готовых работать на кафедрах университетов.

Став министром, Уваров инициировал публикацию ведомственного издания – «Журнала Министерства народного просвещения». Это начинание, взявшее за образец французский журнал «*Annales de l'Éducation*», публиковавшийся с 1811-го по 1814 год под началом Гизо, потерпело неудачу: к 1846 году у издания было всего 200 подписчиков⁸⁶. Лишние экземпляры бесплатно распространялись в учреждениях, подчиненных Министерству народного просвещения. Журнал, тем не менее, смог внести вклад в развитие русской общественно-политической мысли, занимаясь активной популяризацией термина «цивилизация», который прежде в России почти не использовался⁸⁷. Это произошло благодаря публикации на его страницах выдержек из книги Гизо «История цивилизации в Европе».

Для своего времени Уваров был весьма современным человеком; более того, в юности, когда люди особо восприимчивы ко всему новому, он провел два года в немецком университете. По-видимому, именно там он воспринял распространенную в Германии рубежа XVIII–XIX веков идею, согласно которой история есть не совокупность событий, лишенная внутреннего смысла, но, напротив, поддающийся осмыслению поэтапный процесс совершенствования человечества. Об Уварове говорили, что он «первым ввел в России взгляд на мировую историю как на прогрессивное шествие к высочайшим и благороднейшим идеалам человечества»⁸⁸.

Одним из главных свершений Уварова на посту министра просвещения стало внедрение в университетские программы предметов, которые ранее не изучались, – прежде всего, отечественной истории и русской литературы. Университетский устав 1835 года, о котором речь пойдет ниже, предусматривал создание в университетах кафедр русской истории, языка и литературы, а также сравнительных исследований славянских народов, до этого не считавшихся научными дисциплинами⁸⁹.

Именно на министерские годы Уварова пришлась преподавательская деятельность выдающегося историка Тимофея Грановского, читавшего курсы в Московском университете с 1839-го по 1855 год. Его лекции по средневековой истории неизменно становились громкими культурными событиями, собиравшими толпы слушателей, включая стариков и юных девушек, никак не связанных с университетом. Билеты на них продавались по довольно высоким ценам⁹⁰. Успех этих лекций объяснялся тем фактом, что Грановский, получивший образование в Германии и ставший там гегельянцем, публично заявлял о том, что история – это прогрессивный процесс, а Россия, несмотря на все оговорки, является частью Европы. «Грановский одарен был высоким художественным чувством; он умел с удивительным мастерством изображать лица, со всеми разнообразными сторонами их природы, со всеми их страстями и увлечениями. ... Никто не умел говорить таким благородным языком, как Грановский. Эта способность, ныне совершенно утратившаяся, являлась в нем как естественный дар, как принадлежность возвышенной и поэтической природы. Это не было красноречие, бьющее ключом и своим пылом увлекающее слушателей. Речь была тихая и сдержанная, но свободная, а с тем вместе удивительно изящная, всегда проникнутая чув-

ством, способная пленять своею формою и своим содержанием, затрагивать самые глубокие струны человеческой души. Когда Грановский обращался к слушателям с сердечным словом, не было возможности оставаться равнодушным; вся аудитория увлекалась неудержимым восторгом»⁹¹.

Вот как Александр Герцен вспоминает об одной из его лекций, подводящей итоги академического курса: «Все вскопало в каком-то опьянении, дамы махали платками, другие бросились к кафедре, жали ему руки, требовали его портрета. Я сам видел молодых людей с раскрасневшимися щеками, кричавших сквозь слезы “браво! браво!” Выйти не было возможности. Грановский, бледный, как полотно, сложа руки, стоял, слегка склоняя голову; ему хотелось еще сказать несколько слов, но он не мог. Треск, вопль, неистовство одобрения удвоились, студенты построились на лестнице – в аудитории они предоставили шуметь гостям. Грановский пробрался, измученный, в совет; через несколько минут его увидели выходящего из совета – и снова бесконечное рукоплескание; он воротился, прося рукой пощады, и, изнемогая от волнения, взошел в правление. Там бросился я ему на шею, и мы молча заплакали»⁹². Публичные лекции Грановского были, пожалуй, одним из наиболее ярких проявлений свобододолюбия, царившего в Московском университете. Судя по воспоминаниям выпускников, в тираническое правление Николая I университет оставался своеобразным оазисом свободы⁹³.

Среди заслуг Уварова стоит упомянуть также и то, что он подарил России еще один новый – после Санкт-Петербургского, – университет. Речь идет о Киевском университете, задуманном в качестве образовательного центра для молодых поляков, лишившихся возможности учиться после закрытия университета в Вильно. В открывшемся

в 1834 году университете Святого Владимира половину профессуры и большинство студентов составляли поляки⁹⁴. Это учебное заведение было призвано способствовать подавлению польского национализма и польского языка, о чем мечтал император Николай. Мы не знаем, разделял ли Уваров подобные устремления или же он просто подчинялся царской воле. Университет был закрыт с 1839-го по 1842 год из-за беспорядков, но со временем возобновил работу, оставаясь шестым в стране высшим учебным заведением.

Европейская слава Уварова была столь значительной, что немецкий ученый, открывший в 1820-е годы новый вид изумруда, назвал его в честь русского министра «уваровитом».

В 1835 году комиссия под руководством Шишкова, в которую входил и Уваров, обнародовала новый Университетский устав, призванный заменить предыдущий статут 1804 года. Новый устав был более консервативным: он заметно урезал автономию университетов, прежде довольно широкую. Каждый университет ставился под надзор собственного попечителя, обладавшего широкими полномочиями, включая право увольнять преподавателей. Министру передавалось право назначения профессоров и ректоров, которые прежде были выборными лицами. Университеты лишались административного приоритета в отношении гимназий. Студентам же вменялось в обязанность «ходить постоянно в треугольных шляпах и отдавать честь царской фамилии и генералам, становясь во фронт и спустив с плеча шинель, как это требовалось от офицеров»⁹⁵.

В 1843 году Уваров пережил тяжкое горе в связи с кончиной его двадцатитрехлетней дочери Натальи. Чтобы справиться с несчастьем, он попросил у императора разрешения уехать на время за границу. Часть того года он

прожил в Италии. Судя по воспоминаниям о путешествии, написанным вскоре после возвращения, эта страна не показалась ему такой жизнерадостной, как он ожидал: «По свидетельству большей части повествователей, Италия есть род звенящего острова, разгульной страны, где народонаселение беспечное и легкомысленное предается вещественным удовольствиям. ... Теперь итальянец степенен, раздумчив, почти уныл; Италия – край порядка, размышления, жизни внутренней; край, ищущий разгадать довольно темную тайну своих исторических судеб». Что касается Венеции, то она показалась ему опустошенной, бледной и холодной⁹⁶.

Российский историк, писавший в ранние годы советской власти, несколько преувеличивая, в следующих словах обобщает свершения Уварова в качестве министра: «Министерствование Уварова – исключительно интересный момент в ходе нашей образованности. Наш общественный и государственный порядок всегда был основан на невежестве. Создавалась традиция невежества. Наша история есть организация природного, стихийного русского невежества. Наше общество и государство никогда не могли преодолеть внутреннего страха перед образованностью. Отдельные лица кричали об образовании, угрожали гибелью, рыдали, умоляли, но общество в целом и государство пребывали в невежестве и оставались равнодушны ко всем этим воплям. Страх перед “неизвестностью” культуры делал их глухими и непонимающими. Министерство Уварова впервые, преодолевая свой страх, задается вопросом, нельзя ли приноровить общее всемирное просвещение к нашему народному духу. Обладая прекрасным образованием, сам Уваров видел его ценность, но он преувеличивал свои силы и плохо понимал ту “народность”, к духу которой он хотел приноровить всемирное просвещение»⁹⁷.

ГЛАВА 4

Цензура

Как министр просвещения, Уваров отвечал за осуществление цензуры печатных материалов, в особенности книг, публикуемых в России и ввозимых из-за границы. Эти полномочия он делил с Министерством иностранных дел, а также с царской канцелярией. Цензурные отделы, подчиняющиеся Уварову, находились в десяти городах империи⁹⁸.

Цензура в России появилась одновременно с книгопечатанием, то есть в XVI веке, но в ранний период она была направлена преимущественно на устранение религиозного инакомыслия. Цензурные ограничения ужесточились в XVIII веке, когда началось преследование книг по политическим мотивам, хотя организационно цензура того времени еще не стала самостоятельным институтом. Первая попытка наладить систематический контроль над печатью была предпринята Цензурным уставом 1826 года, вступившим в силу вскоре после восстания декабристов, который сделался еще жестче после волны европейских революций 1830 года. В частности, с 1828 года Цензурный устав запрещал обсуждение политических вопросов в печати⁹⁹.

Уваров был убежден в необходимости цензуры. «В правах русского гражданина нет права обращаться письменно к публике, – говорил он одному из своих цензоров. – Это привилегия, которую правительство может дать и отнять,

когда хочет»¹⁰⁰. Но управление цензурой министр считал исключительно тяжелым делом. «Закон по существу своему содержит в себе одни общие положения, — писал он по этому поводу, — а вся сила его, вся действительность является в применениях к частным случаям, которые никому и никак определить наперед невозможно». Согласно Цензурному уставу, цензоры должны смотреть «на видимую цель и намерения сочинителя, а в суждениях своих всегда принимать за основание явный смысл речи и не позволять себе произвольного толкования». Но интерпретировать «дух сочинителя», полагал Уваров, чрезвычайно трудно, так как современные авторы исключительно искусно прячут собственные мысли¹⁰¹. Технические трудности управления цензурой усугублялись еще и тем, что III Отделение Императорской канцелярии, возглавляемое графом Бенкендорфом, постоянно вмешивалось в дела уваровского ведомства и часто пересматривало его решения.

Встречаясь в 1832 году с одним из цензоров после назначения заместителем министра, Уваров объяснял ему: «Действуйте так, чтобы публика не имела повода заключать, будто правительство угнетает просвещение»¹⁰². Он лично участвовал в закрытии двух периодических изданий. Первым из них в сентябре 1834 года стал «Московский телеграф»; журнал был наказан за публикацию статьи Николая Полевого, объявленную министром непатриотичной. В разговоре с цензором Никитенко Уваров отзывался о Полевом в следующих выражениях: «Это проводник революции, он уже несколько лет систематически распространяет разрушительные правила. Он не любит России. ... Это фанатику»¹⁰³. Вторым изданием, подвергшимся той же участи, стал журнал «Телескоп», закрытый в 1836 году за публикацию первого «Философического письма» Петра Чаадаева, содержавшего настолько

жесткую критику современной России, что император Николай лично объявил автора сумасшедшим. Прочитав этот текст, Уваров сильно негодовал; по его заключению, статья была проникнута «нелепой ненавистью к отечеству»¹⁰⁴. Он настоял на том, чтобы журнал был закрыт, а цензор, который пропустил эту публикацию, был уволен.

Хотя по меркам своего времени Уваров считался довольно либеральным цензором, а двор часто укорял его за снисходительность, он весьма сурово относился к беллетристике, полагая, что на публику больше влияют романы, чем ученые трактаты. В своих мемуарах цензор Никитенко упоминает поразительный эпизод: «Министр сказал, что “хочет”, чтобы, наконец, русская литература прекратилась. Тогда, говорил он, “я буду спать спокойно”»¹⁰⁵. Особенно строго он относился к французским романам. Согласно указанию Уварова, все переводы французских книг перед отправкой в типографию необходимо было представлять ему для личного одобрения¹⁰⁶. Он, в частности, подверг гонениям Виктора Гюго – возможно, из-за той роли, которую писатель сыграл в свержении в 1830 году Карла X, последнего монарха из династии Бурбонов, – не позволив издать по-русски роман «Собор Парижской Богоматери». При этом никакого политического подтекста в романе не было, а в частном порядке сам Уваров этим произведением восхищался¹⁰⁷.

Судя по дневниковым записям одного из ведущих цензоров, профессора политической экономии Санкт-Петербургского университета Александра Никитенко, Уваров производил хорошее впечатление на своих подчиненных. Впервые встретившись с ним в 1832 году, Никитенко записал в дневнике: «Уваров – человек образованный по-европейски, он мыслит благородно и как прилично государ-

ственному человеку; говорит убедительно и приятно. Имеет познания, и в некоторых предметах даже обширные. Физиономия его выразительна»¹⁰⁸. В разговоре 8 августа 1835 года министр заявил Никитенко следующее: «Мы, то есть люди XIX века, в затруднительном положении: мы живем среди бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Никто здесь не может предписывать своих законов. Но Россия еще юна, девственна, и не должна вкусить, по крайней мере, теперь еще, сих кровавых тревог. Надобно продлить ее юность и тем временем воспитывать ее. Вот моя политическая система. Я знаю, что хотят наши либералы, наши журналисты и их клеветы: Греч, Полевой, Сенковский и проч. Но им не удастся бросить своих семян на ниву, на которой я сею и которой я состою стражем, — нет, не удастся. Мое дело блюсти не только за просвещением, но и блюсти за духом поколения. Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполнил свой долг и умру спокойно»¹⁰⁹.

В мае 1843 года в Париже была издана знаменитая книга маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», написанная после краткого посещения автором России и воспринятая самими русскими как оскорбительная. Уварова она привела в ужас; он назвал ее «последним словом крестового похода Европы против России». Он решил найти какого-нибудь француза, который за деньги согласился бы представиться автором русского ответа де Кюстину. Идея обсуждалась в секретном «комитете по Кюстину», членом которого состоял Уваров, но была отклонена как слишком сложная по исполнению¹¹⁰.

Хотя Уваров и заработал себе репутацию ярого реакционера, он постоянно сталкивался с проблемами из-за того,

что истинные реакционеры того времени – барон Модест Корф, генерал Яков Ростовцев и граф Дмитрий Бутурлин – считали его самого и подчиненных ему цензоров слишком мягкотельми. Они постоянно жаловались на министра царю, называя цензуру под руководством Уварова неэффективной¹¹¹. В марте 1848 года граф Сергей Строганов, попечитель Московского учебного округа, представил государю записку об «ужасных идеях», будто бы господствовавших в русских журналах¹¹². Под влиянием всех этих жалоб царь Николай санкционировал 2 апреля 1848 года создание секретного Комитета для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений – цензурного органа, который возглавил Бутурлин и который стал известен как «Бутурлинский комитет». Комитету предстояло рассматривать опубликованные материалы, ранее одобренные Министерством народного просвещения; комитетские доклады направлялись непосредственно императору. В его состав вошли также барон Модест Корф и правовед Павел Дегай. Уварова не сразу уведомили о создании нового ведомства; узнав об этой новости, он был шокирован, поскольку понял, что значительная доля влияния, обусловленная его цензурными полномочиями, ускользает у него из рук.

Кризис в цензурной сфере вышел на поверхность в 1848 году, когда по Западной Европе прокатилась новая волна революционных выступлений. В Петербурге тогда ходили слухи о том, что власти собираются закрыть все университеты, в которых они видели очаги подстрекательства. Негодуя от подобной перспективы, Уваров попросил своего друга и профессора литературы Московского университета Ивана Давыдова написать статью в защиту университетов. Несомненно, министр внес большой вклад в разработку плана будущей публикации. В анонимной статье, опубликован-

ной в третьем номере журнала «Современнику» за 1849 год под заголовком «О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании», Давыдов защищал университеты как незаменимые центры изучения и преподавания классических языков, положительно характеризуя при этом социальный состав профессуры и студенчества. Автор позитивно противопоставлял их немецким университетам, указывая на то, что в России большинство студентов составляют дети дворян и чиновников¹¹³. В статье не было ничего даже отдаленно подстрекательского, однако она вызвала ярость у всех реакционеров, включая царя. Причина заключалась в том, что сфера образования, находясь в полной компетенции правительства, рассматривалась властями в качестве такого предмета, который не подлежит общественным суждениям и оценкам. Похвалы в адрес образовательных учреждений считались опасными, поскольку они предполагали и право критиковать. Кроме того, статья стала прямым нарушением указания царя, данного в 1848 году, согласно которому он «решительно *запрещал* все статьи в журналах *за и против* университетов»¹¹⁴.

В письме Уварову от 17 марта 1849 года Бутурлин, директор Императорской публичной библиотеки и глава упомянутого выше секретного Комитета, страстно желавший занять место Уварова, писал, что статью нельзя понимать буквально, поскольку в ней есть скрытый подтекст. Таковым было, по его мнению, «неуместное для частного лица вмешательство в дела правительства». Он также добавлял, что царь, ознакомившись с материалом, пожелал узнать, почему цензоры допустили подобную публикацию¹¹⁵.

В ответ Уваров направил императору пространное письмо, в котором взял на себя всю полноту ответственности за публикацию возмутившей монарха статьи¹¹⁶. Причиной,

из-за которой она была написана, стал, по его словам, слух о намерении правительства «реформировать» или вовсе упразднить университеты. Он назвал сомнительными рассуждения Бутурлина о некоем «внутреннем смысле» публикации и о том, что в ней якобы «частное лицо принимает на себя разбирать и определять, тоном законодателя, сравнительную пользу учреждений государственных, каковы университеты и другие учебные заведения». В заключение, ссылаясь на постоянные недоразумения, возникавшие в ходе взаимодействия с цензурным комитетом Бутурлина, Уваров просил освободить его министерство от полномочий по осуществлению цензуры или, по крайней мере, официально поручить новоявленному ведомству проверку газет и журналов. Это, по словам Уварова, позволило бы ему посвятить себя образовательной сфере.

Подобные объяснения не устроили царя. В высочайшей резолюции, наложенной на послание Уварова, говорилось: «Не вижу никакой уважительной причины изменять существующий ныне порядок; нахожу статью, пропущенную в “Современник”, неприличною, ибо ни хвалить, ни бранить наши правительственные учреждения, для ответа на пустые толки, не согласно ни с достоинством правительства, ни с порядком, у нас, к счастью, существующим. *Должно повиноваться, а рассуждения свои держать при себе.* Объявить цензорам, чтобы впредь подобного не пропускали, а в случаях недоумений, спрашивали разрешения. Вам же путь ко мне всегда доступен»¹¹⁷. Подчеркнутые мною слова раскрывают присутствие Николаю понимание роли монарха, управляющего подданными в сугубо армейском стиле.

Цензурный конфликт показал, что дни Уварова на посту министра просвещения были сочтены.

ГЛАВА 5

Образовательная политика и евреи

Проблеме обучения в России молодежи из еврейских семей Уваров уделял особое внимание¹¹⁸. Во второй половине XVIII века в результате разделов Польши на территории России оказались около 400 тысяч евреев, с трудом приспособившихся к жесткой социальной структуре российского общества. Проживая в основном в Польше, они фактически были предоставлены сами себе в том, что касалось их общественных институтов, включая образовательные учреждения. Большинство еврейских детей посещали специальные школы, где изучали Талмуд. Русским они казались чужаками, говорящими на непонятном языке и живущими по собственным правилам. Справедливости ради следует отметить, что в Российской империи имелись и европеизированные евреи («маскилим»), но в сравнении с ортодоксальным большинством они составляли мизерное меньшинство.

В декабре 1804 года российское правительство приняло весьма либеральное «Положение об устройстве евреев», которое провозглашало: «Все дети евреев могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, во всех Российских народных училищах, гимназиях и университетах. Никто из детей еврейских, быв в училище во время его воспитания, не должен быть ни под каким видом отвлекаем от своей религии, ни принуждаем учиться тому, что ей противно и даже несогласно с нею быть может»¹¹⁹. Это были прекрасные положения, но все же евреи наотрез отказывались

отдавать своих детей в русские школы, поскольку считали, и не без оснований, что терпимость, выказываемая властями, лишь прикрывала намерение обратить их детей в христианство. В 1840 году в русских начальных и средних школах обучались всего 48 евреев; еще 11 учились в университетах¹²⁰.

Для изучения еврейской «проблемы» в 1840 году был создан специальный комитет, в состав которого вошел и Уваров. Этот орган руководствовался тем, что в основе всех затруднений лежит «фанатизм», инспирируемый Талмудом; отсюда делался вывод о том, что необходимо учредить школы, которые порвали бы с талмудической традицией, а кагалы, еврейские школы — вообще закрыть. Одновременно предполагалось запретить евреям ношение особой одежды, а также выражение своей самобытности иными способами. Уварову поручили подготовить соответствующий проект, относящийся к образованию¹²¹.

В отличие от большинства николаевских чиновников, Уваров не испытывал к еврейскому меньшинству неприязни, однако, подобно прочим представителям имперской элиты, он желал, чтобы евреи ассимилировались. Именно Уваров разработал программу по созданию сети «просвещенных» еврейских школ, убедив правительство принять ее. В разработке этого документа министру помогал двадцатитрехлетний немецкий еврей Макс Лилиенталь, который в 1840 году возглавлял современную еврейскую школу в Риге. Уваров возражал против насильственной ассимиляции еврейского населения, предпочитая добровольные методы. Но большинство евреев бойкотировало новые школы, учрежденные согласно проекту Уварова при содействии Лилиенталю. К концу царствования Николая I, в 1855 году, лишь 3488 еврейских учеников посещали реформированные школы¹²². Разочаровавшийся Лилиенталь вскоре покинул Россию, сначала уехав на родину, в Германию, а потом в Соединенные Штаты. Но в результате усилий, предпринятых им под началом Уварова, к 1842 году все еврейские школы Российской империи оказались под юрисдикцией Министерства народного просвещения.

ГЛАВА 6

Поречье

Желая отвлечься от чиновничьей рутины, Уваров обыкновенно на несколько летних недель уезжал в свое имение в Поречье, находившееся примерно в 150 километрах к северо-востоку от Москвы. Он часто сравнивал это место с Тускулумом – маленьким городком неподалеку от Рима, где любили отдыхать на своих виллах именитые и богатые римские граждане, среди которых был, в частности, Цицерон¹²³. Первые упоминания о Поречье относятся к XV веку, когда деревня числилась среди владений царя Ивана III. Она принадлежала царям до 1742 года, когда императрица Елизавета подарила ее своему любовнику Алексею Разумовскому, от которого она перешла к его брату, а потом и к племяннику. Поскольку Поречье находилось неподалеку от Бородинского поля, во время войны с Наполеоном господский дом сгорел. Жена Уварова, Екатерина, унаследовала поместье после смерти своего отца в 1822 году. В 1830 году Уваров поручил швейцарскому архитектору Доменико Жилярди спроектировать здесь величественный особняк, строительство которого завершилось в 1837 году.

Во всей России не было ничего подобного. Достаточно сказать, что это место предназначалось не для праздности и веселья, а для просвещения; историки Поречья называют его первейшим из художественно-культурных центров той эпохи¹²⁴. В отличие от большинства русских усадеб, в Поречье не было бальной залы, а свободное пространство отводилось под большой музей, где выставлялись древности, собранные хозяином в России и за границей. Наибольшей

ценностью этого собрания был идеально сохранившийся мраморный римский саркофаг, датируемый III веком нашей эры, приобретенный Уваровым в 1843 году в Риме и украшенный сценками с участием Диониса и Бахуса¹²⁵. В усадьбе имелась также большая библиотека, насчитывавшая приблизительно двенадцать тысяч томов, включая такие раритеты, как первые печатные издания «Илиады» и «Одиссеи». Рядом с домом находились роскошный парк и оранжерея, а также хлопкопрядильная фабрика, школа, больница на тридцать мест и аптека для местных крестьян.

Обычно Уваров перебирался в Поречье в июле и оставался там до начала августа. Он имел обыкновение приглашать к себе ученых и писателей, от которых ожидалось чтение лекций по их специальности; среди них были, например, поэт Василий Жуковский, историки Тимофей Грановский и Михаил Погодин. Вот как описывал быт Поречья филолог Иван Давыдов: «Все мы, иные по двое, иные порознь, жили в особых прекрасных комнатах, всем снабженных, с восхитительными видами из окон. Вот наш обыкновенный день. Поутру каждый пьет чай или кофе у себя в комнате и работает до 10 или 11 часов, или с книгой отправляется в сад и парк. Молодежь большей частью любила удить рыбу, ездить верхом, стрелять и купаться. В 10 или 11 часов все собираемся у хозяина, и когда он занят, идем восвояси — я с товарищем моим (Погодиным) обыкновенно в библиотеку; но если хозяин к этой поре оканчивал утренние занятия свои, то ходил с нами в парк, на излучистые берега Иночи. Первые две недели все наше общество проводило утреннее время в библиотеке, которую мы устраивали в отделанных вновь залах. Это была работа веселая, живая, занимательная. ... За полчаса перед обедом оканчивали мы работы наши в библиотеке и прогулки в парке. В 4-м часу обедали. За роскошным и вкусным обедом сколько высказывалось остроумия, каламбуров! ... После обеда юноши играли на бильярде, а

пожилые обыкновенно с хозяином выходили на террасу и, среди померанцевых деревьев и в аромате цветов, пили кофе и около часа беседовали о всякой всячине. Каждый говорил откровенно; чаще любили мы слушать самого хозяина, неистощимого в мыслях, со сладким словом. От беседы опять иные уходили к себе для минутного отдыха, другие в парк или в сад. В 6 часов снова собирались в большом доме и отправлялись или на сельские работы, или на фабрику, или все вместе в огромной линейке ездили в ближние деревни, осматривали обширные поля, волновавшиеся рожью, пшеницею, ячменем, овсом, льном, или бродили по лесу. В 9 часов мы уже дома. Тут ожидали нас жирные сливки и варенец, земляника и малина, душистый чай. Между тем завязывался разговор, всегда занимательный и поучительный, приправляемый шутками и остротами – и мы неприметно беседовали до полуночи. Всякий раз нам недоставало времени для окончания начатого разговора»¹²⁶. В описании этих встреч обращает на себя внимание полное отсутствие упоминаний о Екатерине, супруге Уварова. Участвовала ли она в беседах и присутствовала ли на ужинах? Или запиралась в одиночестве в своих комнатах?

Уваров завещал Поречье своему сыну Алексею, который расширил музейную коллекцию за счет собственных приобретений. Его потомки жили там до революции 1917 года. Вскоре после прихода большевиков все музейные экспонаты были переданы властями в Москву, в фонды Исторического музея и Государственного музея изобразительных искусств. С октября 1941-го по январь 1942 года Поречье находилось в зоне немецкой оккупации, и главному зданию усадьбы был причинен значительный ущерб. Потомок одного из слуг Уварова вспоминает, как приблизительно в 1960 году он и его друзья детства играли в развалинах имения в «казаки-разбойники»¹²⁷. В 1963 году имение начали реставрировать и впоследствии там размещались различные советские учреждения.

ГЛАВА 7

Уваров и Пушкин

Сомнительная репутация Уварова в России была во многом обусловлена теми неприязненными отношениями, которые сложились между ним и Пушкиным. Однако, как показывают факты, эта недоброжелательность оформилась не из-за вздорного характера Уварова или его дурного отношения к Пушкину, но из-за досады литератора по поводу цензурного надзора, которым Уваров руководил в качестве министра.

22 апреля 1828 года Николай I издал указ, согласно которому все готовящиеся к печати рукописи должны были проходить через цензурный комитет Министерства народного просвещения, которым руководил сам министр. Для Пушкина, однако, было сделано исключение: как известно, заняв престол, новый царь определил самого себя в персональные цензоры поэта. Николай часто редактировал и прозу, и поэзию Пушкина, по собственному почину выдавая советы и рекомендации. Пушкин терпеливо сносил все это, отчасти потому, что у него не было выбора, а отчасти из-за того, что он сам верил в необходимость цензуры. Хотя его и считают одним из самых вольнолюбивых поэтов, он признавал право правительства на контроль над устным и письменным словом. Однажды он высказался об этом так: «Мысль! Великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен

быть свободен человек: в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом. ... Всякое правительство вправе не позволять проповедовать на площадях, что кому в голову придет, и может остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны пером, а не тиснуты станком типографическим. ... Действие человека мгновенно и одно; действие книги множественно и повсеместно. Законы против злоупотреблений книгопечатания не достигают цели закона: не предупреждают зла, редко его пресекая. Одна цензура может исполнить и то и другое»¹²⁸. Когда в 1833 году Уваров предложил закрыть журнал «Московский телеграф», Пушкин с одобрением отнесся к этой инициативе, поскольку сам считал, что издание распространяет «якобинство»¹²⁹.

Впрочем, таким было отношение Пушкина к цензуре в принципе. Когда же дело казалось его собственных работ, необходимость отчитываться перед кем-либо раздражала поэта, поскольку он видел в работе цензоров вмешательство бюрократов в творческий процесс.

Впервые Пушкин и Уваров встретились в 1816 году на заседаниях литературного общества «Арзамас». На протяжении 1820-х и в начале 1830-х годов отношения Пушкина с будущим министром просвещения оставались вполне дружескими, хотя некоторые аспекты творчества поэта и вызывали у Уварова сомнения. Например, в работе, написанной в 1828–1829 годах, но так и не опубликованной, он критикует Пушкина за слабость религиозного и патриотического чувства¹³⁰.

Изредка они виделись друг с другом. В октябре 1831 года Уваров отправил Пушкину сделанный им лично перевод патриотического стихотворения «Клеветникам России», которое было адресовано французским политикам

и журналистам, с радостью встретившим антироссийское восстание в Польше. В ответ поэт поблагодарил Уварова¹³¹. В сентябре следующего года Пушкин по приглашению Уварова посетил в Московском университете лекцию профессора-литературоведа Ивана Давыдова. Описанием этого события мы обязаны Ивану Гончарову: «Когда он [Пушкин] вошел с Уваровым, для меня точно солнце озарило всю аудиторию. ... “Вот вам теория искусства, – сказал Уваров, обращаясь к нам, студентам, и указывая на Давыдова, – а вот и самое искусство”, – прибавил он, указывая на Пушкина. Он эффектно отчеканил эту фразу, очевидно, заранее приготовленную. Мы все жадно впились глазами в Пушкина. Давыдов оканчивал лекцию. Речь шла о “Слове о полку Игоревом”. Тут же ожидал своей очереди читать лекцию, после Давыдова, и Каченовский. Нечаянно между ними завязался, по поводу “Слова о полку Игоревом”, разговор, который мало-помалу перешел в горячий спор. “Подойдите ближе, господа, – это для вас интересно”, – пригласил нас Уваров, и мы тесной толпой, как стеной, окружили Пушкина, Уварова и обоих профессоров. ... Я не припомню подробностей их состязания, – помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож. ... Пушкин говорил с увлечением, но, к сожалению, тихо, сдержанным тоном, так что за толпой трудно было расслушать»¹³². В том же году по предложению Уварова Пушкина избрали почетным членом Императорской Академии наук. В мае 1834 года Пушкин по просьбе Гоголя ходатайствовал перед Уваровым о назначении писателя на должность профессора истории в Киевском университете¹³³. Уваров, однако, не поддержал это обращение; вместо желаемого

Гоголь получил должность в Петербургском университете, не задержавшись на ней надолго.

Отношения между Уваровым и Пушкиным испортились после назначения Уварова на должность министра просвещения; это произошло из-за общей обиды Пушкина на цензуру, которой теперь, пусть даже номинально, заведовал Уваров. В пушкинском дневнике этому посвящена отдельная запись, сделанная в феврале 1835 года: «В публике очень бранят моего “Пугачева”, а что хуже – не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клевет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим цензурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкринна был на посылках. О нем сказали, что он начал тем, что был б..., потом нянькой, и попал в президенты Академии наук, как княгиня Дашкова в президенты Российской Академии. Он крал казенные дрова, и до сих пор на нем есть счета (у него 11000 душ), казенных слесарей употреблял в собственную работу etc. etc.»* Позже эти грубые сплетни вошли в сатирическое стихотворение Пушкина, высмеивающее Уварова.

Впрочем, трения во взаимоотношениях двух людей обозначились еще раньше, в 1833 году, когда Пушкин, вдохновленный мотивами пьесы Шекспира «Мера за меру», написал поэму «Анджело». В поэме не было никакого по-

* Как утверждает историк «Арзамаса», Уваров был «инициатором первого, организационного собрания» этой группы. См.: Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 70.

литического подтекста, а ключевой ее темой стала женская добродетель. Главным героем выступал Анджело, лицемер, в отсутствие своего господина герцога издавший приказ, согласно которому всякий мужчина, вступающий в любовную связь вне брака, подлежал смертной казни. При этом он сам настойчиво добивался благорасположения некой женщины, в противном случае угрожая казнить ее брата. Несмотря на столь невинное содержание произведения, у Пушкина возникли проблемы с цензорами, включая Уварова, и 28 августа 1835 года он обратился в Главное управление цензуры с письмом, в котором напоминал, что с 1826 года его персональным цензором выступает сам император. «Ныне, по случаю второго, исправленного издания “Анжелло”, – писал Пушкин, –... г. попечитель С.-Петербургского учебного округа изустно объявил мне, что не может более позволить мне печатать моих сочинений, как доселе они печатались, то есть с надписью чиновника собственной его величества канцелярии. Между тем никакого нового распоряжения не последовало, и таким образом я лишен права печатать свои сочинения, дозволенные самим государем императором»¹³⁴.

25 сентября Уваров ответил Пушкину письмом, в котором говорилось: «Рукописи, издаваемые с особого высочайшего разрешения, печатаются независимо от цензуры Министерства народного просвещения, но все прочие издания, назначаемые к печати, должны, на основании высочайше утвержденного на 22-й день апреля 1828 года устава о цензуре, быть предоставляемы в цензурный комитет»¹³⁵. Предоставив поэту этот формальный ответ, Уваров не сказал ничего нового. Он лишь подтверждал, что ни один текст в России не может попасть в печать, минуя цензуру, а единственное исключение составляют рукописи, получившие личное одобрение императора. Но Пушкин все равно впал

в ярость, и это привело к окончательному разрыву между ним и Уваровым. Свои эмоции поэт выплеснул в злобной сатире «На выздоровление Лукулла: подражание латинскому», направленной против министра. Луций Лициний Лукулл (110–56 гг. до н.э.) был римским генералом, прошедшим в молодости множество войн и нажившим гигантское состояние. Старость он провел в невероятной роскоши и расточительности, что сделало его имя нарицательным. Непосредственным же поводом для пушкинской сатиры послужил вполне конкретный эпизод.

Осенью 1835 года граф Дмитрий Шереметьев, находясь в своем имении под Воронежем, серьезно заболел. То был богатейший человек в России, владевший 210 тысячами крепостных и 600 тысячами гектаров земли¹³⁶. Он не был женат, и в случае кончины состояние поделили бы между собой родственники. Поскольку жена Уварова приходилась Шереметьеву двоюродной сестрой, ей также причиталась бы определенная доля наследства. По Петербургу пошли слухи о том, будто Уваров собирает информацию об имуществе умирающего родственника и даже, якобы, уже приказал опечатать петербургский дом Шереметьева. Именно эти сплетни и предоставили Пушкину повод высмеять Уварова. Вскоре, однако, Шереметьев выздоровел, а надежды Уварова – если таковые вообще были, – не оправдались. Кроме того, Пушкину были известны и другие сплетни, касающиеся министра; рассказывали, в частности, о том, что неся в начале 1820-х годов службу в Министерстве финансов, Уваров унижал себя тем, что исполнял для тогдашнего министра Егора Канкринина кое-какие домашние обязанности. Так, в апреле 1824 года Иван Тургенев писал князю Вяземскому, что его друг Уваров «всех кормилец у Канкриной знает и детям дает кашку»¹³⁷. Наконец, до Пушкина доходили

слуши, что Уваров присвоил себе государственные леса, находившиеся по соседству с его имением.

Все эти разговоры были собраны воедино в сатирическом стихотворении. Сначала Пушкин пытался опубликовать его в Петербурге, но ни один издатель не согласился пойти на это, поскольку главный герой произведения был слишком узнаваем. В Москве же цензор, введенный в заблуждение названием стихотворения, пропустил его, после чего в конце декабря 1835 года оно появилось в «Московском наблюдателе».

Вот наиболее острые строки из пушкинской сатиры:

*...А между тем наследник твой,
Как ворон к мертвечине падкий,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загрести он злата горы
В пыли бумажных куч.*

*Он мнил: «Теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность – трын-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенные дрова!»*

Но ты воскрес...¹³⁸

Публикация стихотворения произвела сенсацию. Цензор Никитенко 20 января 1836 года записал в дневнике: «Весь город занят “Выздоровлением Лукулла”. Враги Уварова читают пьесу с восхищением, но большинство образованной публики недовольно своим поэтом. В самом деле, Пушкин этим стихотворением не много выиграл в общественном мнении, которым, при всей своей гордости, однако, очень дорожил. Государь через Бенкендорфа приказал сделать ему строгий выговор»¹³⁹. После выхода «Лукулла» Уваров предложил Пушкину встретиться, но обстоятельства их разговора остались неизвестными¹⁴⁰.

В 1881 году в «Русской старине» был опубликован рассказ некоего Куликова, который утверждал, что записал его со слов самого Пушкина. Когда Бенкендорф пригласил к себе поэта, чтобы сообщить ему о недовольстве царя его сатирой, Пушкин якобы дерзко заявил, что объектом стихотворения на самом деле является как раз он, шеф жандармов, а вовсе не Уваров¹⁴¹. На вопрос графа о том, когда же он похитил государственный лес, Пушкин отвечал: «Раз Уваров принял это на собственный счет, то, вероятно он и воровал?» Бенкендорф усмехнулся и вынужден был согласиться с поэтом.

Эта история представляет собой чистый вымысел. Во-первых, Пушкин всегда был почтителен к Бенкендорфу, поскольку именно через него он получал указания царя относительно своих рукописей. Во-вторых, сохранился черновик письма Пушкина к шефу жандармов, написанного, предположительно, перед этой аудиенцией. В нем говорится, что работая над своим «Лукуллом», поэт не имел в виду ни Уварова, ни кого-либо еще, высмеивая лишь абстрактного скупца. (Подлинник письма, если он еще существует, так и не был опубликован.) Черновик, написанный по-французски, гласит:

«Прошу прощения, что докучаю Вам, но вчера я так и не смог объясниться с министром. Мою оду переслали в Москву без предупреждения, и даже мои друзья не знали об этом. Стихотворение не содержит намеков ни на одно конкретное лицо, оно с тщанием очищено от них. В сатирической части высмеивается низкое поведение алчного наследника, который, узнав о болезни родителя, поспешил опечатать все имущество, которого так жаждал. Я знаю, что подобные истории случаются довольно часто. ... Кроме того, невозможно написать сатирическую оду, никого не задев при этом. Когда Державин в “Вельможе” описал сибарита, погрязшего в сладострастии и не вменяющего мольбам народным, ... одни увидели в этом персонаже Палена, другие кого-то еще. ... По сути, подобные дурные черты присущи многим богачам, и я берусь утверждать, что Державин не имел в виду никого конкретно. К моей оде публика отнеслась гораздо строже – для меня недостаточно, как считается, просто воздержаться от намеков и инсинуаций. Ведь я не упомянул ни одного имени; но публика, меж тем, говорит, что она опознала в моем герое портрет алчного наследника, который ворует государственный лес и обсчитывает жену, она узнала и босоножку, которая покоряет графа Ш., – она, одним словом, распознала великого мужа, богатейшего человека, видного чиновника. ... Все это слишком странно. Меня не особо заботит, права публика или она заблуждается. Что для меня действительно важно, так это доказать, что я никогда и никоим образом не намекал, будто моя ода направлена какой-то персоне»¹⁴².

Все это послание – сплошная неправда. Героем «Лукулла» был не безымянный жадный наследник, но именно Уваров, в чем можно убедиться, ознакомившись с заметками

Пушкина о дурном поведении министра. И со временем сам Пушкин вынужден был признать это.

В начале 1836 года Пушкину стало известно о том, что князь Николай Репнин критиковал его в петербургском свете за «Лукулла». Репнин – генерал-от-кавалерии и ветеран войн с Наполеоном, служивший генерал-губернатором Саксонии, а потом генерал-губернатором Малороссии, был шурином Уварова. В феврале 1836 года Пушкин написал Репнину, что ему известно о публичной критике, которой подверг его князь¹⁴³. Репнин ответил, что он об этом ничего не знает, но при этом добавил: «Вам же самому, м.г., скажу, что я искренно желаю, дабы Вы гениальный талант Ваш употребляли на пользу и славу отечества, а не в оскорбление частных людей»¹⁴⁴. Как явствует из забракованных Пушкиным черновиков ответа, он довольно мучительно размышлял, как следует отреагировать. В одном из этих набросков, датированных 11 февраля 1836 года, можно, в частности, прочесть следующее: «Не могу не признаться [В. С.], что мнение В. С-ва о [совершенно правы во] касательно сочинений, оскорбительных для частного лица совершенно справедливо. – [Трудно] [Их едва можно извинить] [как] [даже] [если даже] они и писаны в минуту [огорчения] [слепого мщения] [огорчения] [справедливой] слепой досады; [Не оправдываю себя] [не достойное] [это мщение] – [Как забава, таковой поступок не]. Как забава развращенного ума, они были бы непростительны. [Позвольте извиниться перед Вами]»¹⁴⁵. Письмо, которое, в конечном итоге, было отправлено Репнину, говорилось: «Не могу не сознаться, что мнение Вашего сиятельства касательно сочинений, оскорбительных для чести частного лица, совершенно справедливо. Трудно их извинить, даже когда

они написаны в минуту огорчений и слепой досады. Как забава суетного или развращенного ума, они были бы непростительны»¹⁴⁶.

Со временем Пушкин пожалел, что написал эту одиозную сатиру, о чем свидетельствует его переписка с французским профессором Альфонсом Жобаром, преподававшим греческую, латинскую и французскую словесность в Казанском университете. Жобар был известен как человек весьма низкого нрава: в свое время он заявил, что труд Уварова, посвященный Элевсинским мистериям, является плагиатом¹⁴⁷. 13 января 1836 года он написал письмо Уварову, к которому приложил собственноручный перевод «Лукулла» на французский язык. Предполагая, что стихотворение было написано с согласия министра, он просил разрешения на его публикацию в Брюсселе¹⁴⁸. Копия этого письма была отослана и Пушкину. Интересен пушкинский ответ, написанный 24 марта 1836 года:

«М.Г. С истинным удовольствием получил я ваш прелестный перевод Оды к Лукуллу и лестное письмо, которое вы к нему приложили. Ваши стихи настолько же милы, насколько злы, а это много значит. Если справедливо, как вы рассказываете в своем письме, что вас хотели на законном основании объявить лишенным рассудка, то надо признать, что после того вы воротили его в чертовской степени. Расположение, которое, по-видимому, вы ко мне питаете, и которым я горжусь, дает мне право с полною откровенностью говорить с вами. В письме к г-ну министру народного просвещения вы, кажется, изъявляете намерение напечатать свой перевод в Бельгии с присовокуплением некоторых примечаний, необходимых, по вашему мнению, для понимания стихотворения: осмеливаюсь умолять вас, М.Г., отнюдь этого не делать. Мне самому досадно, что напеча-

тал произведение, написанное в минуту раздражения. Опубликование его вызвало неудовольствие одного лица, которого мнением я дорожу, и которым пренебрегать не могу, не оказавшись неблагодарным и безумцем. Будьте добры: удовольствием гласности пожертвуйте мысли оказать услугу собрату. Не воскрешайте своим талантом произведение, которое само по себе впадет в заслуженное забвение. Позволю себе надеяться, что вы не откажете мне в любезности, о которой я прошу. Примите уверение в моем совершенном почтении. Честь имею быть вашим, милостивый государь, нижайшим и всепокорнейшим слугою. А. Пушкин»¹⁴⁹. Жобар с уважением отнесся к просьбе Пушкина и не стал публиковать свой перевод. Вскоре его выслали из России по просьбе Уварова.

Стихотворение стяжало себе настолько плохую репутацию, что его не включали в собрания пушкинских трудов на протяжении тридцати пяти лет. Оно появилось в печати лишь в 1870 году¹⁵⁰.

Когда в январе 1837 года Пушкин был убит на дуэли, власти всеми силами попытались сбить всплеск симпатий к поэту. Бенкендорф, в частности, отдал особое распоряжение, предписывавшее журналистам не усердствовать в восхвалении погибшего. Один из издателей получил от шефа жандармов строгое внушение за публикацию следующих слов: «Россия обязана Пушкину благодарностью за 22-хлетние заслуги его на поприще словесности»¹⁵¹. Уваров также негодовал по поводу посмертных почестей, адресованных Пушкину, но, вероятно, не потому, что видел в них неуважение воли властей: он так и не простил поэту «Лукулла». Вскоре после смерти Пушкина он отправил графу Сергею Строганову, попечителю Московского учебного округа и члену цензурного комитета, следующее

предписание: «По случаю кончины А.С. Пушкина, вне всякого сомнения, будут помещены в московских повременных изданиях статьи о нем. Желательно, чтобы при этом случае как с той, так и с другой стороны соблюдается была надлежащая умеренность и тон приличия. Я прошу ваше сиятельство обратить внимание на это и приказать цензорам не допускать печатания ни одной из вышеозначенных статей без вашего предварительного одобрения»¹⁵². Более того, министр пошел еще дальше, запретив профессорам и студентам пропускать занятия ради участия в похоронах Пушкина¹⁵³. Желая удостовериться в соблюдении этого указания, он в тот день лично посетил университет. Князь Павел Вяземский, также побывавший в университете в день похорон, заметил, что там было спокойно; ему показалось даже, что «вообще впечатление кончины Пушкина на студентов было незначительное»¹⁵⁴. Уваров присутствовал на траурной церемонии «бледный и сам не свой»¹⁵⁵.

Завершая рассказ об отношениях Пушкина и Уварова, остается только опровергнуть миф, приписывающий Уварову прямую причастность к смерти поэта.

Эта версия излагается в биографии Пушкина, принадлежащей перу французского автора Анри Труайя. Вот как он описывает события, непосредственно предшествовавшие дуэли: «Николай I обратился к Бенкендорфу с просьбой предупредить дуэль, направив к месту, где она должна была состояться, жандармов. Но Бенкендорф не разделял мыслей императора. Накануне дуэли к нему заявили барон Геккерен, граф Уваров и княгиня Белосельская. Барон разъяснял шефу жандармов, в чем выгоды, если предоставить событиям течь своим чередом. Не слишком ли много измарал бумаги, замутил сознание этот пиит-баламут? Если

Пушкина ухлопают, имперская власть будет избавлена от врага аристократии, монархии, да и самого Бога! А если Пушкин выйдет из этого приключения невредимым или просто раненным, власти получат право судить его, выслать или даже засадить в крепость за участие в дуэли. Министр Уваров и княгиня Белосельская настояли на том, чтобы Бенкендорф прислушался к советам Геккерена.

– Направьте жандармов в другое место, – сказала княгиня Белосельская.

И Бенкендорф решил прислушаться к ее мнению»¹⁵⁶.

В качестве источника изложенных сведений автор ссылается на дневник консервативного журналиста Александра Суворина. Тот, в свою очередь, указывает на литератора-библиографа Петра Ефремова. Вот что пишет Суворин: «Николай I велел Бенкендорфу предупредить дуэль. Геккерн был у Бенкендорфа. “Что делать мне теперь?”, – сказал он княгине Белосельской. – “А вы пошлите жандармов в другую сторону”. Убийцы Пушкина – Бенкендорф, княгиня Белосельская и Уваров»¹⁵⁷.

Возможность того, что шеф жандармов мог нарушить приказ царя в угоду желаниям светской дамы, кажется настолько нереальной, что ее следует отбросить с порога. Кроме того, в истории Ефремова ничего не сказано о присутствии Уварова при этом разговоре. Что же касается серьезных биографий Бенкендорфа, то они просто игнорируют этот эпизод¹⁵⁸.

ГЛАВА 8

Отставка

Учреждение 2 апреля 1849 года нового цензурного органа сделало невозможным дальнейшее исполнение Уваровым его цензорских обязанностей. 20 октября 1849 года он оставил министерский пост, сохранив за собой место президента Академии наук.

Последние шесть лет своей жизни Уваров провел в Поречье и в Москве, где он снимал квартиру в районе Арбата. Оставив службу, львиную долю времени он стал посвящать научной деятельности, написав магистерскую работу о происхождении болгар, которую защитил в Дерптском университете, а также ряд статей и мемуарных произведений. Он умер 4 сентября 1855 года. На пышные похороны, прошедшие в Москве, собрались толпы народа, после чего тело доставили в Холин Смоленской губернии, где и похоронили¹⁵⁹. Усыпальница Уварова не сохранилась: ее разрушили в советское время.

По завещанию Уварова Поречье отходило его сыну Алексею, известному археологу, а всех крепостных крестьян, живших в поместье, надлежало освободить. Алексей с 1864 года до самой своей кончины возглавлял Московское археологическое общество, а в 1883 году основал Государственный исторический музей в Москве. Подобно отцу, он был страстным собирателем древностей. Его вдова опубликовала каталог принадлежавшей ему коллекции, составивший одиннадцать томов¹⁶⁰. В 1857 году он учредил Уваровскую премию, которую Академия вручала выдающимся писателям и историкам. Его супруга Прасковья (1840–1924) также была археологом. С кончиной Алексея Уварова Поречье перешло к его сыну. После большевистского переворота внуки Уварова перебрались в Крым, а оттуда эмигрировали в Константинополь и Сербию, окончательно осев во Франции.

ГЛАВА 9

Заслуш

Цензор Никитенко, ближайший сподвижник Уварова в годы его службы в министерстве, считал, что его начальник был на голову выше всех тех, кто занимал пост министра впоследствии. Описывая преемников Уварова, он рассуждает о том, что министерство одного из них было «помрачающее», другого «расслабляющее», третьего «отупляющее»¹⁶¹.

Ниже приводятся отзывы, выданные Уварову двумя его известными современниками. Вот что пишет первый из них, молодой современник – князь Павел Долгоруков: «С 1833 по 1849 год министром народного просвещения находился граф Сергей Семенович Уваров, муж замечательного ума, ученый и писатель. Тонкий и ловкий царедворец, он очень дорожил своим значением при дворе, но вместе с тем, в качестве человека истинно-просвещенного, находился под наитием благородного честолюбия приобрести имени своему блистательную страницу в истории своего отечества. Страницу эту он умел приобрести преобразованием университета, куда умел привлечь юношество, и улучшениями, введенными в гимназиях и в уездных училищах. Наибольшее число людей, ныне приобретших себе почетную известность, а некоторые и заслуженную знаменитость на поприще науки и на поприще словесности, слушали курсы в университетах со времени преобразования их графом Уваровым. В дикое царствование Николая он умел с редким искусством ввести прогресс в воспитание, расширить курс обучения юношества и даже, невзирая на суровое направление Николаевское, посеять зерна просвещенных идей, ныне приносящие обильные

плоды. Честолюбие царедворца, сильно развитое у графа Уварова, не подавляло в нем зародыша тех либеральных чувств, коими юность его была ознаменована и украшена. Мы коротко знавали в нашей молодости графа Сергея Семеновича; нам известно, что совершенства в мире не существует: у него были свои пороки и даже пороки весьма видные, но заслуги, оказанные им отечеству, увековечивают память его в русской истории. Невозможно вообразить, сколько хитрости ему было необходимо, чтобы министерством, ему вверенным, управлять просвещенным образом в царствование государя, столь враждебного всем идеям истинно просвещенным, каким был Николай Павлович»¹⁶².

Второй, знаменитый либерал Борис Чичерин, высказывался об Уварове так: «Министерством народного просвещения управлял тогда граф Уваров, единственный, можно сказать, из всего длинного ряда следовавших друг за другом министров с самого начала нынешнего века, который заслуживал это название и достоин был занимать это место. Уваров был человек истинно просвещенный, с широким умом, с разносторонним образованием, какими бывали только вельможи времен Александра I. Он любил и вполне понимал вверенное ему дело. Управляя народным просвещением в течение 15 лет, он старался возвести его на ту высоту, на какую возможно было поставить его при тогдашнем направлении правительства. Сам он глубоко интересовался преподаванием. Когда он осенью 1848 года, незадолго до отставки, приехал в свое великолепное имение Поречье, где у него была и редкая библиотека, и драгоценный музей, он пригласил туда несколько профессоров Московского университета, между прочим и Грановского, и самое приятное для него препровождение времени состояло в том, что он просил их читать лекции в

его маленьком обществе. Перед тем он был в Московском университете и заставлял даже студентов читать пробные лекции в его присутствии. ... Высокому и просвещенному уму графа Уварова не соответствовал характер, который был далеко не стойкий, часто мелочный, податливый на личные отношения»¹⁶³.

Все современники сходились во мнении, что Уварову были присущи серьезные недостатки, наиболее заметным из которых было тщеславие. С этим нельзя не согласиться. Но данный факт не оказывает существенного влияния на общую оценку этого деятеля. Человеческая личность есть не просто набор взаимосвязанных качеств, но, скорее, их сложное и противоречивое переплетение. Тщеславие – не такой уж и серьезный недостаток для человека, которого все признавали образованным, просвещенным и необыкновенно искусственным в продвижении русской культуры. То было несовершенство личности, выдающейся во многих других отношениях.

В целом же Уваров был одним из самых эффективных министров Российской империи XIX столетия, человеком, который сделал для совершенствования культуры своей страны больше, чем кто-либо другой.

Сноски

¹ См.: Иванов О.А. *Идеология «православие, самодержавие, народность» С.С. Уварова // Консерватизм в России и в мире: прошлое и настоящее*. Вып. 1. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 2005. С. 92–101.

² Whittaker C.H. *The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786–1855*. De Kalb, Ill.: Illinois University Press, 1984. [В русском переводе эта работа имеет другое название: Виттекер Ц. *Граф Сергей Семёнович Уваров и его время*. СПб.: Академический проект, 1999. – Прим. переводчика.]

³ Подробнее об этом см.: Зверева Н.А. *Общественно-политические взгляды С.С. Уварова*. Волгоград, 2005. [Неопубликованная диссертация.]

⁴ Шевченко М.М. *Сергей Семёнович Уваров // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Отв. ред. А.Ю. Минаков*. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. С. 344.

⁵ Капитонов К. *История рода Уваровых // Российский кто есть кто*. 2007. № 2 (59). С. 42

⁶ Вигель Ф.Ф. *Записки*. Т. 2. М.: Артель писателей «Круть», 1928. С. 58-59.

⁷ Цит. по: Шевченко М.М. *Сергей Семенович Уваров*. С. 346.

⁸ Uvarov S.S. *Essai d'autobiographie*. Рукопись, хранящаяся в Государственном Архиве Российской Федерации. Ф. 17. О. 1. Ед. хр. 122. Я получил копию этого документа благодаря любезности Михаила Велижева из Москвы.

⁹ Василенко А.С. «Бразильское избрание» графа Уварова // Московский журнал. 2006. № 11. С. 5.

¹⁰ См.: Дурылин С.Н. *Г-жа де Сталь и ее русские отношения* // Литературное наследство. 1939. № 33-34. С. 226.

¹¹ См. произведение Уварова «Князь де Линь», написанное в 1815 году и воспроизведенное в книге: Уваров С.С. *Избранные труды*. / Под ред. В.С. Парсамова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 334–345.

¹² См.: Дурылин С.Н. *Г-жа де Сталь и ее русские отношения*. С. 232-35.

¹³ Уваров С.С. *Мадам де Сталь* // Он же. *Избранные труды*. С. 522.

¹⁴ Там же. С. 528.

¹⁵ См.: Майофис М. *Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов*. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 430–441.

¹⁶ *Письма Александра Тургенева Булгаковым*. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. С. 93, 98.

¹⁷ Капитонов К. *История рода Уваровых*. С. 43.

¹⁸ Булгаков А.Я. *Из писем А.Я. Булгакова к его брату Константину Яковлевичу. 1809–1810* // Русский архив. 1899. Стлб. 186.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Разумовская М. *Разумовские при царском дворе*. СПб.: XXI век, 2004.

²¹ Ouvaroff S. *Projet d'une Académie Asiatique. 1810* // *Etudes de Philologie et de Critique*. Paris, 1845. P. 1–48. Эта работа была переведена на немецкий и русский: Uwarow S.S. *Ideen zu einer asiatischen Akademie*. Berlin, 1811; Вестник Европы. 1811. № 1 и № 2. [См. также недавнее переиздание этого труда: Уваров С.С. *Проект Азиатской академии* // Он же. *Избранные труды*. С. 65–95. – Прим. переводчика.]

²² См.: Etudes de Philologie et de Critique. Paris, 1845.

²³ Степанов М. *Жозеф де Местр в России* // Литературное наследство. 1937. № 29–30. С. 683–694.

²⁴ Russische Revue. Bd. XXVIII. 1888. № 2. S. 139–143.

²⁵ Отношения Уварова с Грефе рассматриваются в статье: Schmid G. S.S. *Uwarow und Chr. Fr. Gräfe* // Russische Revue. 1886. Bd. XXVI. № 2. S. 156–167. Вклад этого ученого в классическое образование в России обсуждается в работе: Фролов Э.Д. *Граф Сергей Семёнович Уваров и академический классицизм* // Петербургская Академия Наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы международной конференции. Т. II. Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук. СПб., 1999. С. 275–285.

²⁶ *Письмо (графа) Сергея Семеновича Уварова к барону Штейну, 18 ноября 1813 года* // Русский архив. 1871. Стлб. 130–131.

²⁷ Uvarov S.S. *Essai d'autobiographie*. [Рукопись.] Л. 28.

²⁸ См.: Whittaker C.M. *The Origins of Modern Russian Education*. P. 222; Зорин А. *Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века*. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 22.

²⁹ Johnson D. *Guizot*. London: Routledge and Kegan Paul, 1963. P. 11–12.

³⁰ А.В. *Литературные воспоминания* // Современник. 1851. Т. XXVII. Отдел II. С. 37–38. [Уваров С.С. *Литературные воспоминания* // Он же. *Избранные труды*. С. 516. – Прим. переводчика.]

³¹ *Письма Сперанского к А.А. Столытину* // Русский архив. 1870. Стлб. 1145, 1149–1150.

³² См.: Вернадский В.И. *Академия наук 1824–1889* // Он же. *Труды по истории науки в России*. М.: Наука, 1988. С. 245.

³³ Уваров С.С. *Краткая записка об Императорской Академии наук в Петербурге* // Чтения в Императорском Обществе исто-

рии и древностей российских при Московском Университете. 1865. № 3. С. 336–339.

³⁴ Вернадский В.И. *Академия наук 1824–1889*. С. 239.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 242.

³⁷ Уваров С.С. *Речь Президента Императорской Академии Наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института, 22 марта 1818 года* // Он же. *Избранные труды*. С. 252–274.

³⁸ Там же. С. 267. Лорд Томас Эрскин был британским политиком, прославившимся защитой либеральных свобод.

³⁹ Цит. по: Майков П.М. *Царство Польское после Венского конгресса* // Русская старина. 1903. № 3. С. 422–423.

⁴⁰ Работа была переиздана в Париже в 1816 году и переведена на английский в Лондоне в 1817 году.

⁴¹ Уваров С.С. *Исследование об Элевсинских таинствах*. Предисловие к первому изданию // Он же. *Избранные труды*. С. 100.

⁴² Подробнее об этом см.: Whittaker С.М. *The Origins of Modern Russian Education*. P. 57–84.

⁴³ Alston P.L. *Education and the State in Tsarist Russia*. Stanford: Stanford University Press, 1969. P. 27.

⁴⁴ *Магницкий* // *Энциклопедический словарь общества Брокгауз и Эфрон*. [СПб., 1898.] Т. XVIII (35). С. 328.

⁴⁵ Рождественский С.В. (сост.). *Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения*. СПб.: Издание Министерства народного просвещения, 1902. С. 221.

⁴⁶ Шевченко М.М. *Сергей Семёнович Уваров*. С. 353.

⁴⁷ Велижев М. С.С. *Уваров в начале Николаевского царствования: заметки к теме* // *Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская*

эпоха и русский литературный канон (К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт). Ч. 2. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 339.

⁴⁸ Russische Revue. Bd. XXVI. 1886. № 1. S. 78.

⁴⁹ Петров Ф.А. *Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года*. М.: Издательство МГУ, 2000. С. 198–199.

⁵⁰ Там же. С. 205.

⁵¹ Там же. С. 214.

⁵² Там же. С. 340.

⁵³ Велижев М. «Цивилизация» и «средний класс» // Новое литературное обозрение. 2010. № 104. С. 29–59.

⁵⁴ Зорин А. *Идеология «православия – самодержавия – народности»: опыт реконструкции* // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 73.

⁵⁵ Уваров С.С. *Император Всероссийский и Бонапарте* // Он же. *Избранные труды*. С. 239.

⁵⁶ Уваров С.С. *Речь Президента Императорской Академии Наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института, 22 марта 1818 года* // Он же. *Избранные труды*. С. 271.

⁵⁷ Зорин А. *Кормя двуглавого орла...* С. 367. Эта формула была создана во время войны 1812 года: Казаков Н.И. *Об одной идеологической формуле николаевской эпохи* // Контекст-1989. М.: Наука, 1989. С. 38. Прим. 24.

⁵⁸ Зорин А. *Идеология «православия – самодержавия – народности»...* С. 96.

⁵⁹ См.: *Стихотворения Пушкина 1820–1839-х годов*. Л.: Наука, 1974. С. 331.

⁶⁰ Uvarov S.S. *Essai d'autobiographie*. P. 187–197.

⁶¹ Булгаков М. *Отрывки из воспоминаний старого дипломата*. М., 1858. С. 12.

⁶² Уваров С.С. *Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843* // Он же. *Избранные труды*. С. 347–348.

⁶³ Зорин А. *Идеология «православия – самодержавия – народности»* ... С. 97; Зорин А. *Кормя двуглавого орла...* С. 361.

⁶⁴ Чечулин Н.Д. (ред.). *Наказ Императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения*. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1907. С. 3.

⁶⁵ Зорин А. *Кормя двуглавого орла...* С. 361.

⁶⁶ Барсуков Н.П. *Жизнь и труды М.П. Погодина*. Кн. IX. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1895. С. 306.

⁶⁷ Казаков Н.И. *Об одной идеологической формуле николаевской эпохи*. С. 6.

⁶⁸ Там же. С. 23.

⁶⁹ Шпет Г. *Очерк развития русской философии*. Т. I. Пг.: Колос, 1922. С. 240–241. См. также: Luden H. *Handbuch der Staatsweisheit oder der Politik*. Jena, 1811.

⁷⁰ Шилдер Н.К. *Император Николай Первый*. Т. 2. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1903. С. 287.

⁷¹ Цит. по: Шевченко М.М. *Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ*. М.: Три квадрата, 2003. С. 49.

⁷² Рождественский С.В. (сост.) *Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения*. С. 226–227.

⁷³ См.: Ратников К.В. *Холопы или собеседники? Профессорские вояжи в Поречье. (Идеологическая стратегия графа С.С. Уварова и его единомышленников)*. Челябинск: Околица, 2006. С. 166.

⁷⁴ *Университет* // *Энциклопедический словарь Общества Брокгауз и Эфрон*. [СПб., 1902.] Т. XXXIVa (68). С. 788.

⁷⁵ *История Московского Университета* / Под ред. М.Н. Тихомирова. Т. 1. М.: МГУ, 1955. С. 111.

⁷⁶ Миллюков П. *Очерки по истории русской культуры*. Т. 2. Париж: Современные записки, 1931. С. 775.

⁷⁷ *История Московского Университета*. С. 17, 19.

⁷⁸ Whittaker C.M. *The Origins of Modern Russian Education*. P. 159.

⁷⁹ Brower D.A. *Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1975. P. 37.

⁸⁰ Alston P.L. *Education and the State in Tsarist Russia*. P. 9.

⁸¹ Рождественский С.В. (сост.). *Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения*. С. 62.

⁸² Whittaker C.M. *The Origins of Modern Russian Education*. P. 159.

⁸³ *История Московского Университета*. С. 114.

⁸⁴ Whittaker C.M. *The Origins of Modern Russian Education*. P. 178.

⁸⁵ *История Московского Университета*. С. 114.

⁸⁶ *Очерки по истории русской журналистики и критики: XVIII век и первая половина XIX века*. Л.: ЛГУ, 1950. С. 498.

⁸⁷ Велижев М. «Цивилизация» и «средний класс» // Новое литературное обозрение. 2010. № 104. С. 29-59.

⁸⁸ Майофис М. *Воззвание к Европе. Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов*. С. 430.

⁸⁹ Whittaker C.M. *The Origins of Modern Russian Education*. P. 162.

⁹⁰ Roosevelt P.R. *Apostle of Russian Liberalism: Timofei Granovsky*. Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1986. P. 84.

⁹¹ *Московский Университет в воспоминаниях современников* / Под ред. А. Ковнатора. М.: МГУ, 1956. С. 140–141.

⁹² Герцен А. *Былое и думы* // Он же. Собр. соч. в тридцати томах. М.: Издательство Академии наук, 1956. Т. 9. С. 127.

⁹³ *Московский Университет в воспоминаниях современников*. С. 140-141.

⁹⁴ Whittaker С.М. *The Origins of Modern Russian Education*. P. 194; Besançon A. *Éducation et société en Russie dans le second tiers du XIXe siècle*. Paris: Mouton, 1974. P. 58.

⁹⁵ *Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков*. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 154.

⁹⁶ Уваров С.С. *Рим и Венеция в 1843 году* // Он же. *Избранные труды*. С. 457–458.

⁹⁷ Шпет Г. *Очерк развития русской философии*. С. 256–257.

⁹⁸ *Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I* // *Река времен. Книга истории и культуры*. Т. I. М.: Эллис Лак, 1995. С. 72–73, 77.

⁹⁹ См.: Парсамов В.С., Удалов С.В. *Сергей Семенович Уваров* // Уваров С.С. *Избранные труды*. С. 45.

¹⁰⁰ Никитенко А.В. *Дневник*. Т. I: 1826–1857. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 141.

¹⁰¹ *Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I* // *Река времен*. Т. I. С. 73.

¹⁰² Никитенко А.В. *Дневник*. Т. I. С. 130.

¹⁰³ Там же. С. 141.

¹⁰⁴ *Письмо А.С. Пушкина к П.Я. Чаадаеву по поводу его «Философических писем»* // *Русский архив*. 1884. Стлб. 457–458.

¹⁰⁵ Никитенко А. *Дневник*. Т. I. С. 276.

¹⁰⁶ Скабичевский А. *Очерки истории русской цензуры: 1700–1863*. СПб.: Издательство Ф. Павленкова, 1892. С. 232.

¹⁰⁷ Там же. С. 140.

¹⁰⁸ Никитенко А. *Дневник*. Т. I. С. 117.

¹⁰⁹ Там же. С. 117, 174.

¹¹⁰ Мильчина В.А., Осповат А.Л. *Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина: нереализованный проект С.С. Уварова* // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. С. 272–284.

¹¹¹ Ратников К.В. *Холопы или собеседники?..* С. 93.

¹¹² Никитенко А. *Дневник*. Т. I. С. 311.

¹¹³ *О назначении русских университетов и участии их в общественном образовании* // Современник. 1849. Т. XIV. № 3. С. 37–46.

¹¹⁴ Барсуков Н.П. *Жизнь и труды М.П. Погодина*. Кн. X. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1896. С. 146.

¹¹⁵ Там же. С. 538; Ратников К.В. *Холопы или собеседники?..* С. 80–81.

¹¹⁶ Его письмо воспроизведено там же: С. 532–538.

¹¹⁷ Там же. С. 538. *Курсив мой* – Р.П.

¹¹⁸ Достоверное описание политики, проводимой в отношении евреев Николаем I и Уваровым, предлагает Михаэль Станиславский. См.: Stanislavski M. *Tsar Nicholas I and the Jews: The Transformation of Jewish Society in Russia, 1825–1855*. Philadelphia, PA: Jewish Publication Society, 1983.

¹¹⁹ Цит. по: *Казенные еврейские училища* / Под ред. С.Г. Лозинского. Пг.: Государственная типография, 1920. С. VIII.

¹²⁰ Whittaker C.M. *The Origins of Modern Russian Education*. P. 203.

¹²¹ Ibid. P. XLII–XLIII.

¹²² Ibid. P. 206.

¹²³ Schmid G. S.S. *Uwarow und Chr. Fr. Gräfe* // Russische Revue. 1886. Bd. XXVI. S. 105.

¹²⁴ Дробнич О.А., Шармин П.Н. *Усадьба Поречье: страницы истории*. М.: Издательский Дом Рученькиных, 2005. С. 3.

¹²⁵ См. изображение этого артефакта: *Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина*. М.: Искусство, 1989. Иллюстрация 60.

- ¹²⁶ Барсуков Н.П. *Жизнь и труды М.П. Погодина*. Кн. VI. С. 148–149.
- ¹²⁷ Капитонов К. *История рода Уваровых*. С. 42.
- ¹²⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. 7. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. С. 301–302.
- ¹²⁹ Скабичевский А. *Очерки истории русской цензуры*. С. 232.
- ¹³⁰ Велижев М. С.С. *Уваров в начале Николаевского царствования ...* С. 347.
- ¹³¹ Щёголев П.Е. *Из жизни и творчества Пушкина*. 3-е изд. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1931. С. 352–357.
- ¹³² Гончаров И.А. Собр. соч. Т. 7. М.: Правда, 1952. С. 256.
- ¹³³ *Стихотворения Пушкина 1820–1839-х годов*. С. 332.
- ¹³⁴ Русская старина. 1903. № 6. С. 645–646.
- ¹³⁵ *Александр Сергеевич Пушкин, 1799–1837 // Русская старина*. 1880. № 5. С. 101–102; Лернер Н.О. *Труды и дни Пушкина*. 2-е изд. СПб.: Императорская Академия наук, 1910. С. 341.
- ¹³⁶ *Стихотворения Пушкина 1820–1839-х годов*. С. 336–337.
- ¹³⁷ *Остафьевский архив князей Вяземских*. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1892. Т. 3. С. 33.
- ¹³⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. 3. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. С. 347–348.
- ¹³⁹ Никитенко А. *Дневник*. Т. I. С. 180.
- ¹⁴⁰ Иванов О.А. *К вопросу о взаимоотношениях С.С. Уварова и А.С. Пушкина в 30-е гг. XIX века // Новик. Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета*. 1999. Вып. 2. С. 45–55.
- ¹⁴¹ Куликов Н.И. *А.С. Пушкин и П.В. Нащокин. Очерки и воспоминания // Русская старина*. 1881. № 8. С. 616–618.

¹⁴² *Сочинения Пушкина: Переписка* / Под ред. В.И. Сaitова. Т. 3. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1911. С. 471–472. Здесь проект ошибочно датирован октябрем–ноябрем 1835 года. Он был написан, очевидно, в январе, 1836 года.

¹⁴³ *Письмо Пушкина к кн. Н.Г. Репнину* // Русский архив. 1864. Стлб. 1082.

¹⁴⁴ *Ответ князя Н.Г. Репнина* // Там же.

¹⁴⁵ Онегин А.Ф. (ред.). *Неизданный Пушкин*. М. – Пг.: Государственное издательство, 1923. С. 222.

¹⁴⁶ *Другое письмо Пушкина* // Русский архив. 1864. Стлб. 1083.

¹⁴⁷ *Жобар и Пушкин* // Русская старина. 1880. № 7. С. 557.

¹⁴⁸ Там же. С. 559–561.

¹⁴⁹ Там же. С. 563–564.

¹⁵⁰ *Стихотворения Пушкина 1820–1839-х годов*. С. 324.

¹⁵¹ Вересаев В.В. *Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников*. М.: Московский рабочий, 1984. С. 614.

¹⁵² Там же. С. 615.

¹⁵³ Никитенко А. *Дневник*. Т. I. С. 196.

¹⁵⁴ Вересаев В. *Пушкин в жизни*. С. 622.

¹⁵⁵ Там же. С. 619.

¹⁵⁶ Troyat H. *Pushkin*. Garden City, N.Y., 1970. P. 569. [Русский перевод: Труайя А. *Александр Пушкин*. М.: Эксмо, 2004. С. 959. – Прим. переводчика.]

¹⁵⁷ *Дневник А.С. Суворина*. М. – Пг.: Издательство Л.Д. Френкель, 1923. С. 244–245.

¹⁵⁸ Whittaker C. *The Origins of Modern Russian Education*. P. 115.

¹⁵⁹ Лонгинов М.Н. *Воспоминание о графе С.С. Уварове* // Современник. 1855. № 10. С. 123–124.

¹⁶⁰ *Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова*. М., 1887–1907.

¹⁶¹ Никитенко А. *Дневник*. Т. II. С. 310.

¹⁶² Долгоруков П.В. *Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта, 1860–1867*. М.: Север, 1934. С. 388.

¹⁶³ *Русское общество 40–50-х годов XIX века*. Ч. 2. *Воспоминания Б.Н. Чичерина*. М.: Издательство Московского университета, 1991. С. 25.

Содержание

Глава 1. Ранние годы	7
Глава 2. «Триада»	23
Глава 3. Министр просвещения	30
Глава 4. Цензура.	40
Глава 5. Образовательная политика и евреи	47
Глава 6. Поречье	49
Глава 7. Уваров и Пушкин	52
Глава 8. Отставка	66
Глава 9. Заслуги	67
Сноски	70

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ»

Аверченко А. Т. Русское лихолетье глазами «короля смеха» / Сост., подгот. текстов, предисл., прим. А.Е. Хлебиной, В.Д. Миленко. – М.: Посев, 2011. – 428 с.: ил.

Даров А.А. Блокада. – М.: Посев, 2012. – 336 с.

Гагарин Е.А. Возвращение корнета. – М.: Содружество «Посев», 2012. – 214 с

Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. – М.: Содружество «Посев», 2012. – 704 с.

Гальцева Р., Роднянская И. Summa ideologiae: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. Критико-аналитическое обозрение западной мысли в свете мировых событий. – М.: Посев, 2012. – 128 с.

Забывтая война: сб. ист. лит. произв. / Сост. Р.Г. Гагкуев. – М.: Посев, 2011. 464 с.: ил.

Казанцев А.С. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. 1941–1945. – 4-е изд., испр. – М.: Посев, 2011. – 344 с.

Красная смута: сб. ист. лит. произв. / Сост. Р.Г. Гагкуев. – М.: Содружество «Посев», 2011. – 624 с.

Соколов Д.В. Таврида, обогрëнная кровью. Большеви-зация Крыма и Черноморского флота в марте 1918 – мае 1918 г. – М.: Содружество «Посев», 2013. – 272 с.

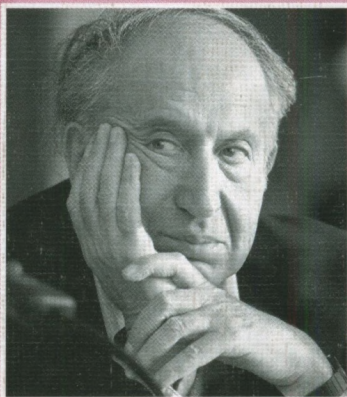
Ричард Пайпс
Сергей Семёнович Уваров:
жизнеописание

Корректор К.В. Оскоцкая
Верстка А.А. Базилевич

ООО «Содружество «Посев»
127051, Москва, ул. Неглинная, 27/2/26, стр. 1, пом. 96
Тел./факс: (495) 625-9248, 625-8138, e-mail: posevru@gmail.com

Формат 60х90 1/16.
Печать офсетная. Тираж 1200 экз. Заказ № К-10132.

Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13



Ричард Пайпс, видный американский историк, специалист по истории России и Советского Союза, родился в 1923 году в Польше. После того как осенью 1939 года его семья бежала из оккупированной немцами части Польши и переехала в США, стал американским гражданином и служил в армии США. После войны Пайпс обучался в ведущих американских университетах, став

в 1950 году преподавателем, а в 1963 году – профессором Гарвардского университета. В 1968–1973 годах возглавлял Исследовательский центр по изучению России Гарвардского университета, а в 1973–1978 годах был главным научным консультантом Института по исследованию России Стэнфордского университета. С 1996 года – почетный профессор Гарвардского университета. Перу Ричарда Пайпса принадлежат многочисленные работы по истории Российской империи и Советского Союза, многие из которых изданы на русском языке. Среди них двухтомник «Струве» (1970–1980), «Россия при старом режиме» (1974), трёхтомник «Русская революция» (1990–1993), «Собственность и свобода» (1999), «Я жил: мемуары непримкнувшего» (2003), «Русский консерватизм и его критики» (2005), «Лев Тихомиров: революционер поневоле» (2010) и другие публикации.